

О ЦѢННОСТЯХЪ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

Мих. Заблоцкаго.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1854.

О ЦѢННОСТЯХЪ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

Zablotskii, Mikhail Parfen'evich

О ЦѢННОСТЯХЪ

ВЪ

ДРЕВНЕЙ РУСИ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

МИХ. ЗАБЛОЦКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ типографіи Королева и К°.
1854.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

С.-Петербургъ, 5 марта 1854 года.

Ценсоръ *В. Бекетовъ.*

Militkov

ЧАСТЬ I.

О МОНЕТНОЙ СИСТЕМѢ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

I.

II.

III.

IV.

I.

Изъясненіе древнихъ цѣнъ по отношенію къ нашимъ — основная мысль сочиненія. — Трудность выполненія ея во всей полнотѣ, въ настоящее время. — Значеніе цѣны. — Деньги или металлическая монета — представитель цѣны. — Причины измѣненія цѣнъ и возникающая оттуда необходимость сравненія ихъ.—Предметы изслѣдованія для полученія вѣрныхъ результатовъ сравненія цѣнъ отдаленныхъ одна отъ другой эпохъ. — Что должно быть разсмотрѣно при изслѣдованіи монетной системы для полученія наиболѣе вѣрныхъ результатовъ сравненія древнихъ цѣнъ съ новыми? — Изслѣдованіе относительной цѣнности драгоцѣнныхъ металловъ составляетъ необходимое условіе въ этомъ отношеніи. — Возможность здѣсь вычисленій только приблизительныхъ, и почему?

Одна изъ сторонъ нашей протекшей жизни, съ нѣкотораго времени подвергаемой болѣе или менѣе вѣрному анализу, доселѣ остается никѣмъ не тронутой;—это сторона стоимости цѣнностей. Преуспѣвая въ жизни, преобразуясь и вмѣстѣ съ тѣмъ преобразуя внѣшній міръ, человѣкъ тѣмъ самымъ измѣняетъ отношенія между вещами— плодами его дѣятельности. Какихъ вещей было прежде мало, тѣхъ сдѣлалось теперь много; какихъ прежде изобиловало, тѣхъ теперь уменьшилось; какіе предметы были худыхъ качествъ, тѣ пріобрѣли теперь хорошія стороны, и наоборотъ. Естественно, что подобныя перемѣны въ мірѣ производительности человѣка должны были пораждать перемѣну въ томъ выраженіи стоимости вещей, которое въ промышленной сферѣ называется *цѣною*. То, что стоило, нѣсколько вѣковъ тому назадъ, дешево, теперь стало дорого; чего нельзя было сыскать ни за какія

деньги, теперь пріобрѣтается за незначительную сумму. Въ *цѣнѣ*, значитъ, выражается цѣлый производительный міръ человѣка, дѣятельность его по отношенію къ созданію и пріобрѣтенію цѣнностей не только для поддержанія; но и для украшенія жизни.

Между тѣмъ, читая отечественныя бытописанія и встрѣчая многочисленныя указанія о различныхъ цѣнностяхъ тогдашней жизни, мы остаемся почти въ полномъ невѣденіи значенія цѣнъ того времени по отношенію къ нашимъ. Цифра древней цѣны въ отношеніи внутренняго смысла ея есть, можно сказать, то же самое, что іероглифъ на египетской пирамидѣ: мы видимъ символическое изображеніе и не понимаемъ внутренняго его значенія. Такъ, что значатъ, напримѣръ, 20 рублей XV столѣтія въ рубляхъ нашего времени? Не зная отвѣта на этотъ вопросъ, не переведя, такъ сказать, языка 20 рублей XV столѣтія, на языкъ нашихъ, понятныхъ намъ рублей, мы остаемся въ такомъ же невѣденіи относительно цѣны предмета въ ту эпоху, какъ если бы мы вовсе не имѣли никакой цифры объ его цѣнѣ.

Начертать картину подобнаго значенія древнихъ цѣнъ по отношенію къ цѣлому объему тогдашней общественной жизни было бы великою заслугой въ исторической нашей летературѣ. Но предпринимать такой трудъ, во всей его полнотѣ, скажемъ необинуясь, у насъ еще рано. Того, кто рѣшился бы на подобный подвигъ, встрѣтили бы прежде всего препоны, можно сказать, непреодолимыя, во мракѣ нашей нумизматики. Не говоря уже о кунной или гривенной системѣ, вполнѣ разгадать которую едва ли когда нибудь будетъ возможно, мы далеко еще не вполнѣ прояснили себѣ ближайшую къ намъ систему рублевую. Разнообразіе, можно сказать, безконечное, документовъ, пособія которыхъ подобный трудъ потребовалъ бы, представило бы другое, не менѣе важное препятствіе: надобно

было бы поминутно вопрошать историю финансовъ, промышленности, торговли, полицейскихъ учрежденій, нравовъ, частной и общественной жизни нашихъ предковъ, а кому неизвѣстно, какое множество сторонъ во всѣхъ этихъ сферахъ нашей протекшей жизни остаются до селѣ совершенно ещё темными?...

Есть однакожъ возможность, даже и при современномъ намъ состояніи историческихъ знаній, положить по крайнай мѣрѣ начало тому труду, который полнаго осуществленія своего можетъ ожидать только въ будущемъ. Мы имѣемъ данныя, могущія служить основой для нумизматики, и слѣдовательно пособіемъ къ достиженію нашей цѣли; съ другой стороны, можно извлечь нужныя указанія, разбросанныя въ лѣтописяхъ; и наша цѣль сдѣлать то, что можно.

Въ разнообразіи потребностей человѣка и въ невозможности удовлетворить ихъ безъ помощи другихъ людей лежитъ начало общежитія и размѣна. Выраженіемъ акта размѣна служитъ *цѣна*, которая есть не что иное, какъ соглашеніе размѣнивающихся сторонъ о достоинствѣ вещей. Это достоинство опредѣляется сравненіемъ размѣниваемыхъ вещей между собою въ томъ случаѣ, когда вещи сравниваются однородныя; но при разнородности вещей и потребностей, которымъ онѣ должны служить удовлетвореніемъ, опредѣленіе достоинства вещей не можетъ произойти помощію сравненія ихъ между собою: здѣсь трудно опредѣлить, какое количество одной вещи соотвѣтствуетъ количеству другой. Отсюда возникаетъ необходимость третьяго, посредствующаго члена сравненія съ такимъ основнымъ качествомъ, чтобы онъ могъ быть представителемъ всѣхъ вообще цѣнностей; и слѣдовательно, чтобы онъ, во первыхъ, сколь можно постоян-

ніе удерживалъ свою собственную цѣну, и во вторыхъ, чтобы могъ дробиться на подраздѣленія, соотвѣтствующія всѣмъ возможнымъ степенямъ стоимости. Драгоцѣнные металлы, обращенные въ деньги, монету, давно уже приняты всѣми какъ вещество наиболѣе удовлетворяющее сказаннымъ качествамъ общаго мѣрила для вещей, которыя неизмѣримы одна другою. Деньги, т. е. металлическая монета, по этому, могутъ и должны быть названы представителемъ *цѣны* или *цѣнъ*.

Послѣ этого, узнать стоимость какого нибудь предмета въ данное время значитъ узнать его *цѣну, выраженную въ монетѣ того времени*. Но цифра этой цѣны въ отдаленную эпоху, бывшая ясною для ея современниковъ, отъ самаго движенія жизни, утратила свой смыслъ для насъ: условія труда — причины настоящей цѣны вещи, и условія рѣдкости или обилія вещей въ сравненіи съ числомъ потребителей, другими словами: отношенія между предложеніемъ и запросомъ, причинами ходячей цѣны вещей, измѣнились. Съ другой стороны, стоимость самаго мѣрила цѣнностей, драгоцѣнныхъ металловъ, при меньшей измѣняемости ея сравнительно съ другими цѣнностями, претерпѣваетъ измѣненіе вѣками, хотя не изъ года въ годъ, отъ перемѣнъ въ количествѣ добычи этихъ металловъ.

Въ слѣдствіе этого, для уразумѣнія смысла древней цѣны, выраженной въ монетѣ, является необходимость, такъ сказать, перевода ея на языкъ цѣнъ нашего времени. Извѣстный предметъ стоилъ въ данную эпоху извѣстное количество монеты того времени, тогда какъ теперь тотъ же предметъ, въ монетѣ нашего времени, выражается другою цѣною. Что же значитъ та древняя цѣна его въ отношеніи къ цѣнѣ его въ наше время?

Естественно, что единственное средство для отвѣта на этотъ вопросъ, есть сравненіе этихъ цѣнъ. Но какъ срав-

нить ихъ, какимъ путемъ достигнуть результата этого сравненія и обезпечить его вѣрность? Въ этомъ существенная задача.

Изъ того самаго, что общій представитель всѣхъ цѣнностей, монета, и въ наименованіяхъ, и въ вѣсѣ, и въ достоинствѣ своемъ измѣняется, ужѐ слѣдуетъ, что первое вниманіе, при сравненіи цѣнъ, должно быть обращено на сравненіе монетъ; за тѣмъ, самый матеріалъ монеты, металлъ, разсматриваемый какъ товаръ, подвергается, съ теченіемъ времени, также измѣненіямъ въ своей стоимости, въ слѣдствіе увеличенія, или уменьшенія его массы. Отсюда, въ видахъ полученія вѣрныхъ результатовъ при сравненіи цѣнъ отдаленныхъ одна отъ другой эпохъ, вытекаетъ необходимость изслѣдованія, во первыхъ, монетной системы тѣхъ эпохъ, и во вторыхъ, относительной или измѣняющейся цѣны металла, служившаго матеріаломъ ходячей монетѣ.

Въ каждой монетной системѣ, для численнаго измѣренія ея величинъ, принимается въ основаніе какая нибудь единица, къ которой всѣ монеты той системы относятся какъ части къ цѣлому. Но самая эта счетная единица имѣетъ свое основаніе въ вѣсѣ заключающагося въ ней металла. Въ отношеніи къ этому вѣсу также принимается извѣстное мѣрило, которое, служа основаніемъ численнымъ монетнымъ величинамъ, должно, по этому самому, служить окончательнымъ пунктомъ сравненія. Слѣдовательно, узнать взаимное отношеніе единицъ вѣса драгоцѣннаго металла, изъ котораго сдѣланы монеты изслѣдуемыхъ эпохъ, представляется первою необходимостію; потому что чрезъ это только можетъ опредѣлиться отношеніе вѣса численныхъ монетныхъ единицъ сравниваемыхъ системъ. Но отношеніе вѣса чистаго драгоцѣннаго металла въ монетахъ не всегда соотвѣтствуетъ номинальной цѣнѣ монетъ. Съ одной стороны, въ монетахъ изъ драгоцѣн-

ныхъ металловъ, по указаніямъ опыта, должна находиться примѣсь низкихъ металловъ, такъ называемая лигатура, для предохраненія ихъ отъ порчи преднамѣренной, или случайной; съ другой стороны, самое чеканеніе монеты требуетъ издержекъ, а слѣдовательно и вознагражденія ихъ. Эти два обстоятельства служатъ причиною того, что номинальная цѣна монетныхъ единицъ обыкновенно возвышается противъ цѣны дѣйствительно заключающагося въ нихъ количества драгоцѣнныхъ металловъ. Та величина, на которую поднята номинальная цѣна монеты противъ дѣйствительнаго въ ней количества драгоцѣннаго металла, есть ни что иное, какъ вознагражденіе за издержки лигатуры и самаго производства.

Въ слѣдствіе этого, вопросы: есть ли въ разсматриваемой монетѣ лигатура и, въ такомъ случаѣ, въ какомъ размѣрѣ; а также: во что оцѣнена была работа при выдѣлкѣ монеты, необходимо должны быть разрѣшены при изслѣдованіи о монетныхъ системахъ двухъ эпохъ.

Драгоцѣнные металлы, въ качествѣ представителей всѣхъ цѣнностей, въ качествѣ денегъ, составляютъ одну изъ главнѣйшихъ потребностей пріобрѣтенія для частныхъ лицъ и цѣлаго государства. По этому, недостатокъ денегъ въ случаѣ крайней въ нихъ надобности и невозможности удовлетворить ей путемъ займа, можетъ раждать измѣненія во внутреннемъ качествѣ денегъ, имѣющихся уже въ наличности, съ цѣлію удовлетворить настоятельной въ нихъ потребности; другими словами: монета можетъ претерпѣвать порчу въ ея внутреннемъ достоинствѣ въ слѣдствіе различныхъ вліяній обстоятельствъ благопріятныхъ, или неблагопріятныхъ, мира и войны, благоустройства и безпорядковъ, финансовыхъ улучшеній, или разстройства. Эта порча или ослабленіе монеты можетъ происходить или чрезъ излишнее под-

нятіе номинальной цѣны ея сравнительно съ внутреннимъ ея достоинствомъ, или увеличеніемъ количества лигатуры, т. е. ослабленіемъ такъ называемой *пробы* монеты, которой сохраняется вмѣстѣ съ тѣмъ прежній вѣсъ и прежняя номинальная цѣна. И при историческомъ изслѣдованіи, эти обстоятельства не должны быть упускаемы изъ виду.

Но сравненіе единицъ вѣса драгоцѣннаго металла, изъ котораго сдѣланы монеты, и изслѣдованія о пробѣ монетъ или внутреннемъ достоинствѣ ихъ недостаточны для вѣрности выводовъ о цѣнахъ. Драгоцѣнные металлы не имѣютъ въ себѣ стоимости абсолютной; но относительную, т. е. измѣняющуюся сообразно съ отношеніемъ ихъ массы къ другимъ цѣнностямъ. Эта относительная стоимость ихъ можетъ увеличиваться или уменьшаться, смотря потому, уменьшается, или увеличивается масса ихъ вообще. Высшій предѣлъ, наибольшая, такъ сказать, *сила* относительной цѣны драгоцѣннаго металла бываетъ тогда, когда за наименьшее его количество даютъ самое большее количество цѣнностей, и на оборотъ. По этому, если масса драгоцѣннаго металла увеличивается, то сила его слабѣетъ; и напротивъ, она возрастаетъ пропорціонально уменьшенію массы драгоцѣннаго металла. Эта-то сила драгоцѣнныхъ металловъ какъ товара, имѣющая непосредственное соотношеніе съ цѣною самой монеты, должна быть непремѣнно приведена въ извѣстность вмѣстѣ съ вѣсомъ и пробою монетъ, и присоединена къ ихъ разности, для вѣрности вывода. Чтобъ изслѣдованіе въ этомъ отношеніи было вѣрно, необходимо основывать его не на отдѣльныхъ фактахъ, не имѣющихъ соотношенія съ цѣлымъ общественнымъ составомъ; но на фактахъ такого рода, которые, если не находятся въ связи со всѣми элементами общественной жизни, то по крайней мѣрѣ представляютъ собою элементъ, общій для

всѣхъ соціальныхъ положеній. Такимъ элементомъ по справедливости слѣдуетъ считать: цѣну на хлѣбъ, цѣну на другіе предметы первой необходимости и цѣну за трудъ, который должно было употребить для ихъ производства. Другими словами: цѣна хлѣба и вообще предметовъ первой необходимости, а также необходимаго труда, представляетъ собою тотъ по возможности неподвижный масштабъ, который необходимъ для измѣренія измѣненій, происходившихъ, въ теченіе вѣковъ, въ силѣ драгоцѣнныхъ металловъ, т. е. въ относительной ихъ стоимости.

Таковъ путь, которымъ мы полагаемъ возможнымъ достигнуть болѣе или менѣе вѣрныхъ результатовъ при изъясненіи древнихъ цѣнъ. Говоримъ: *болѣе* или *менѣе* вѣрныхъ, потому что величина, стоимость цѣнностей, какъ предметъ изъ міра нравственнаго, не подлежитъ строгому математическому вычисленію; но допускаетъ только изчисленіе приблизительное. Можно узнать достовѣрно: какое количество золота или серебра мѣнялось въ прежнія времена на извѣстное количество предметовъ первой необходимости, или услугъ; но нельзя съ такою же достовѣрностію узнать: происшедшее различіе должно ли быть приписано исключительно одному изъ двухъ предметовъ, или обоимъ вмѣстѣ? потому что въ опредѣленіи условій труда, капитализаціи, предложенія и запроса, условій производительной дѣятельности человѣка, по самому ихъ свойству, не можетъ быть математическаго основанія. Но съ одной стороны, математическая точность, безъ которой слѣдуетъ обойтись въ изслѣдованіяхъ подобнаго рода, не есть, какъ очевидно, рѣшительная необходимость; съ другой стороны, также очевидно то значеніе, которое могутъ имѣть подобныя изысканія: они проливаютъ много свѣта на исторію государствъ и общества.

II.

Три главнѣйшіе періода въ исторіи монетныхъ цѣнностей, обращавшихся въ нашемъ отечествѣ. — Сомнительность и неизвѣстность выражаютъ сущность перваго изъ сказанныхъ періодовъ.— Существованіе мѣховъ и серебряныхъ слитковъ въ качествѣ монеты. — Причины замѣны ихъ собственно металлическою монетою, въ періодъ порабощенія Россіи татарами. — Невозможность доказать существованіе у насъ, въ періодъ до нашествія татаръ, металлическихъ монетныхъ знаковъ нашего производства.—Время, къ которому восходятъ древнѣйшія изъ имѣющихся доселѣ, собственно нашихъ, металлическихъ серебряныхъ монетъ. — Усвоеніе нами формы и даже названій монетъ татарскихъ. — Указаніе неудобствъ монетной системы до Петра Великаго.

И такъ, изслѣдованіе монетной системы нашихъ предковъ должно занять насъ прежде всего. Въ изслѣдованіи же монетной системы, исходнымъ пунктомъ должно быть изысканіе той нормы, которая служила основаніемъ раздѣленія и подраздѣленія монетныхъ цѣнностей. Но прежде чѣмъ вступить на это поле изысканій, мы должны сдѣлать оговорку, а именно: относительно того, какого періода нашей исторіи будутъ касаться наши изслѣдованія.

Вникая, на основаніи имѣющихся доселѣ, далеко еще неполныхъ, данныхъ, въ историю монетныхъ цѣнностей, обращавшихся въ прошедшія времяна въ нашемъ отечествѣ, нельзя не замѣтить трехъ главныхъ въ ней періодовъ. Порабощеніе Россіи татарами и царствованіе Петра Великаго служатъ гранями, раздѣляющими эти періоды. Еслибъ, при настоящемъ состояніи отечественной нумизматики, мы захотѣли опредѣлить характеристическія черты каждаго изъ нихъ, то относительнаго перваго, древнѣйшаго, слова: *сомнительность* и *неизвѣстность* всего

болѣе могли бы служить къ выраженію его сущности. Все, что сдѣланныя доселѣ изслѣдованія объ этомъ періодѣ, показали достовѣрнаго, это—существованіе, въ качествѣ монетныхъ цѣнностей, драгоцѣнныхъ мѣховъ, или частей ихъ, такъ называемыхъ кожаныхъ денегъ, для удовлетворенія торговыхъ, или правильнѣе, мѣновыхъ сдѣлокъ меньшаго размѣра; существованіе слитковъ серебра для удовлетворенія болѣе значительныхъ потребностей мѣны; и затѣмъ, употребленіе иностранныхъ монетъ, какъ напримѣръ, на югѣ Россіи, греческихъ золотыхъ монетъ, въ слѣдствіе близкихъ сношеній съ Византійскою имперіею. Но объясненіе взаимныхъ отношеній различнаго наименованія монетныхъ цѣнностей, встрѣчаемыхъ въ письменныхъ памятникахъ того времени, доселѣ остается только въ сферѣ догадокъ и предположеній. Труды всѣхъ лучшихъ нашихъ дѣятелей на поприщѣ историческихъ изысканій не привели доселѣ ни къ какому положительному результату. Такъ, напримѣръ, размѣръ, повидимому, основной единицы тогдашняго монетнаго счета, куны, намъ остается неизвѣстенъ, не говоря о другихъ монетныхъ величинахъ: ногатахъ, бѣлкахъ, рѣзаняхъ, вѣкшахъ и пр. (1).

---

(1) Сравни: Татищева Лекс. въ словѣ *деньги*, стр. 130. — Правда Русск. стр. 18, 19, 119; 33, 46, 22.—(Бекетовъ) Труды Общ. Моск. VI. стр. 159.—Карамз. III. стр. 215. — I. пр. 527. — II. пр. 106.— Правда Русск. стр. 5. — Труды Общ. Моск. VI. стр. 142. — Зап. Екат. II. III. стр. 377.—Пр. Русск. стр. 6.—Schlözer's Nestor III. стр. 93. — Карамз. V. пр. 245. — Заволжскій Муравей 1832. № 3. стр. 154. (Ердманъ).—Вѣстн. Европы 1828 № 13. ст. 25.— Krug Münz. p. 113.—Сѣв. Пчела, 1834. № 235 (Строевъ).—Вѣстн. стр. 25. — Европ. 1827. № 23, стр. 257. — Schlözer's Nestor, III. p. 86. — Труды Общ. Моск. VI. стр. 161. — Мальгинъ, IV. стр. 165. — Успенскій, II. стр. 665. — Щербатовъ, Мон. стр. 318 и сл.—Вѣстн. Евр. 1827. № 22. стр. 120.—1828 г. № 13. стр.

И думаемъ даже, что точное изслѣдованіе въ этомъ отношеніи едва ли когда нибудь будетъ возможно: мы не имѣемъ въ наличности упоминаемыхъ въ актахъ вещественныхъ знаковъ цѣнностей, и должны, во всѣхъ своихъ выводахъ, ограничиваться темными и сбивчивыми указаніями лѣтописей объ ихъ размѣрѣ.

Начало употребленія мѣховъ въ качествѣ монеты, безъ сомнѣнія, заключалось, съ одной стороны, въ ихъ стоимости; и съ другой, въ недостаточномъ количествѣ драгоцѣнныхъ металловъ, которые въ то время были получаемы нашими предками только путемъ торговли (²). Кажется, всего естественнѣе предполагать, что эти металлы имѣли у нихъ, въ самомъ началѣ, значеніе только довольно рѣдкаго товара; а какъ вмѣстѣ съ тѣмъ ежеднев-

31. — Krug Münz. 112. — Казанскій, въ Зап. Имп. Археол. Общ. Т. III. Отд. I.

(²) Iovius in Rer. Moscovitic. Auctores Varii (Francofurti, 1600 p. 126): Nulla auri argentive, vel ignobilioris metalli, ferro excepto, apud eos vena secturave reperitur: nullumque est tota regione vel gemmarum vel pretiosi lapilli vestigium: ea omnia ab externis populis petunt. — Herberst. (ibid. p. 42): Provincia sane argentum nullum habet, nisi quod (ut dictum est) importatur. — P. 57: Rarius enim, ac ferme nullus apud has gentes est auri argentive usus. Vestes factas, acus, cultellos, coclearia, secures, aliaque ejusmodi utplurimum pellibus permutant. — Гваньини (ibid p. 158) говоритъ: In omni Imperio Moschi, aurum et argentum nusquam reperitur, nisi adductitio et importatorio, omnes earum regionum incolae, et ipse Princeps, utuntur. — Наконецъ имѣемъ даже о позднѣйшемъ времени свидѣтельство Кошихина: «А въ Московскомъ государствѣ золота и серебра не родится, хотя въ Кроникахъ пишутъ, что Русская земля на золото и на серебро урожайная, однако сыскати не могутъ, а когда и сыщутъ, и то малое, и къ такому дѣлу Московскіе люди не промышлены». (О Россіи въ Царств. Алексія Михаилов. стр. 78). — О томъ, что у нашихъ предковъ до-петровскаго періода мало было драгоцѣнныхъ металловъ, можно заключить также изъ исчисляемыхъ предметовъ въ писцевыхъ книгахъ, гдѣ мы встрѣчаемъ безконечные ряды только мѣдной утвари и оловянныхъ сосудовъ.

ныя потребности мѣны требовали какого нибудь общаго выраженія цѣнностей, то мѣха (куницъ, бѣлокъ или вѣкшей, соболей и проч.), представлявшіе собою, для тогдашняго общества, предметъ и наибольшей стоимости и потребности ([3]), сдѣлались представителями другихъ цѣнностей, монетою, и пріобрѣли опредѣленную цѣну въ отношеніи однихъ къ другимъ. Встрѣченное же, за тѣмъ, затрудненіе въ примѣненіи цѣлыхъ мѣховъ къ различнымъ потребностямъ мелочнаго торга, заставило обратиться къ мысли рѣзать ихъ, въ видѣ раздѣленія на меньшія монетныя цѣнности, на куски, получившіе различныя наименованія мордокъ, ногатъ, рѣзаней и проч., и обозначавшіеся, въ послѣдствіи, клеймами. Таковъ по крайней мѣрѣ путь умозаключеній, къ которому приводятъ соображенія дошедшихъ до насъ, не вполнѣ достаточныхъ, свидѣтельствъ о древнѣйшихъ монетныхъ цѣнностяхъ, обращавшихся въ нашемъ отечествѣ, и аналогія свидѣтельствъ о монетныхъ знакахъ отдаленныхъ эпохъ другихъ народовъ ([4]).

При существованіи торговли, внутренней и внѣшней,

([3]) Ducange Gloss. слово Martures. — Ibn Haukal. — Marco Polo. — Storch, VI. примѣч. XIII, стр. 87. — Карамз. VII. прим. 387.

([4]) Storch, III. p. 17, 18. — Подтвержденіе предположенія, что мѣха могли служить монетою, мы находимъ въ существующемъ еще и теперь между сѣверными нашими инородцами способѣ торговли, или правильнѣе, мѣны. Въ мѣновой торговлѣ березовскихъ самоѣдовъ и остяковъ единицею цѣнности служитъ рыба *муксунъ*. Муксунъ отъ нихъ принимаютъ въ 10 коп. ассиг., но самоѣды не привыкли считать на деньги; а всѣ почти цѣнятъ товары относительно песцовыхъ шкуръ; на примѣръ, *песецъ* равняется *20 лапкамъ песцовымъ*, или же равняется *30 муксунамъ*. Всѣ счеты ведутся у березовскихъ и обдорскихъ торговцевъ въ суммахъ песцовъ и лапокъ, переводя обыкновенно лапки въ песцы, какъ копѣйки въ рубли. (См. Топографическое Описаніе Сѣверн. Урала въ Записк. Импер. Рус. Географ. Общества, кн. VI. стр. 322).

въ формѣ мѣны, нужда въ металлической монетѣ, безъ сомнѣнія, не могла быть ощущаема. Большіе платежи могли быть производимы съ помощію слитковъ; а мѣха могли удовлетворять нуждамъ мѣстнымъ и ежедневнымъ; и безъ события, имѣвшаго такое важное и многостороннее значеніе въ нашей исторіи, можно сказать рѣшительно, первоначальная форма нашихъ представителей цѣнностей не измѣнилась бы такъ скоро, какъ то дѣйствительно послѣдовало. Это событіе — порабощеніе Россіи татарами. Монголо-татары, знакомые уже съ металлическими монетными знаками въ слѣдствіе сношеній ихъ съ прежде еще покоренными народами востока ([5]), поработивъ русскія княжества, и наложивъ на нихъ дань, безъ сомнѣнія, не могли довольствоваться столь непрочными знаками монетныхъ цѣнностей, каковы шкуры звѣрей. Дань, въ слѣдствіе этого, не могла быть болѣе взимаема, какъ прежде, мѣхами; но монетными знаками изъ того же самаго матеріала, который служилъ для той же цѣли у побѣдителей, т. е. изъ металла, серебра ([6]). Съ другой стороны, этой перемѣны требовало равномѣрное, по возможности, распредѣленіе дани и облегченіе ея взиманія, — условія, которыя конечно могли быть гораздо съ бо́льшимъ удобствомъ выполнены при большей дробимости и прочности металла сравнительно съ мѣхами ([7]). Доказать мнѣніе про-

---

([5]) См. Fraehn 3 Münz. der Wolga-Bulgh. I. p. 172., гдѣ авторъ описалъ нѣсколько монетъ Волжскихъ Болгаръ X столѣтія.

([6]) Арабскія легенды, встрѣчаемыя на древнѣйшихъ, несомнѣнно нашихъ, Русскихъ, монетахъ, (см. Черткова Опис. Древн. Русск. Монетъ, стр. 15) были выставляемы, по мнѣнію ученаго нашего оріенталиста, Френа, съ которымъ согласенъ и г-нъ Чертковъ, съ цѣлію облегчить имъ ходъ въ земляхъ, подвластныхъ монголамъ. (См. Френа Монеты Золотой Орды, стр. V.—А. Черткова Опис. Древн. Русскихъ Монетъ, стр. 6.).

([7]) Примѣръ начала монеты изъ этого побужденія видимъ у

тивоположное, т. е. существованіе у насъ, въ періодъ до нашествія татаръ, металлическихъ монетныхъ знаковъ нашего производства было бы возможно только при несомнѣнной наличности этихъ знаковъ. Но все, на чемъ подобное мнѣніе могло бы опереться, это восемь металлическихъ монетъ, или правильнѣе медалей (8), которыя, однакоже, послѣ основательнаго изслѣдованія ихъ барономъ Шодуаромъ, не могутъ считаться ходячими монетами того времени, и даже — не туземнаго происхожденія (9). За тѣмъ, наши нумизматическія коллекціи не только не заключаютъ въ себѣ ни одной, собственно намъ принадлежащей монеты, до—татарскаго періода; но и самыя древнѣйшія изъ имѣющихся доселѣ, собственно нашихъ металлическихъ серебряныхъ монетъ, не восходятъ далѣе княженія Димитрія Іоанновича Донскаго (10), т. е.

Арабовъ, гдѣ Халифъ Омаръ, въ шестой годъ своего владычества и осьмнадцатый лѣтосчисленія отъ гиджры (639 отъ Рождества Христова), по свидѣтельству Макризи, первый выбилъ монету по образцу персидской, *для облегченія народу взноса поземельной подати*. (См. Мухаммед. Нумизматика въ отношеніи къ Русской Исторіи. Соч. П. Савельева, С. Петербургъ, 1847 г. стр. XVII).

(8) Изъ нихъ дѣйствительно имѣется пять, остальныхъ трехъ сохранились только описанія. (Aperçu sur les monnaies russes, par B. de Chaudoir, T. I.) — Правда, въ 1853 г. Коммисія Высочайше учрежденная при Императорскомъ Университетѣ Св. Владиміра для описанія губерній Кіевскаго Учебнаго Округа публиковала еще 31 № нумизмъ, изъ числа найденныхъ въ 1852 г. близь Нѣжина; но какъ значеніе ихъ такъ и мѣсто выдѣлки остаются въ сферѣ догадокъ и предположеній.

(9) См. Aperçu sur les monnaies russes, etc. I. p. 102 и слѣд.

(10) Въ трехъ прибавленіяхъ къ «Описанію Древнихъ Русскихъ Монетъ» Черткова, описаны: двѣ серебряныя монеты В. Кн. Александра Ярославича Невскаго (1252 — 1263 г.); одна серебряная В. Кн. Ярослава Ярославича (1263 — 1272); одна серебряная В. Кн. Василія Ярославича (1272 — 1276), и три мѣдныя В. Кн. Іоанна Іоанновича (1353 — 1359); но всѣ эти семь монетъ признаны фальшивыми, произведеніемъ жалкой промышленности, начавшейся, въ отношеніи къ древнѣйшимъ нашимъ

принадлежатъ тому времени, когда татары уже болѣе ста лѣтъ господствовали надъ русскими княжествами. Хотя, судя по недавности занятій нашею нумизматикою, мы допускаемъ возможность открытія въ будущемъ монетъ еще болѣе отдаленныхъ княженій; но ужасъ опустошеній, наполняющій собою нѣсколько лѣтъ нашей исторіи со времени появленія Батыя, не позволяетъ предполагать, чтобы дѣланіе у насъ металлической монеты могло начаться непосредственно по покореніи Россіи татарами. Получивши такимъ образомъ свое начало, металлическія монеты, съ постепеннымъ распространеніемъ, вытѣсняли мало по малу изъ употребленія мѣха и кожаные знаки цѣнностей; и такъ какъ первоначально серебро обращаемо было въ монету единственно для уплаты дани татарамъ, то естественно, что русскіе князья усвоили форму монетъ татарскихъ, и даже самое названіе *деньга* — для серебряныхъ, и *пуло* для мѣдныхъ ([11]). Эти серебряныя *деньги*,

---

монетамъ, съ появленіемъ книги г. Черткова: «Описаніе Древнихъ Русскихъ Монетъ». (См. статью кн. Теофила Гагарина: Sur la contrefaçon des monnaies russes, въ Mém. de la Soc. d'archéologie et de numismatique de St. Pétersbourg, Vol. I. 1847). — Въ Новгородѣ же и Псковѣ, никогда не подпадавшихъ подъ татарское иго, употребленіе металлической монеты началось не прежде XV стол., именно въ Псковѣ въ 1420 г., а въ Новгородѣ въ 1410 г. (Карамз. V. прим. 245).

([11]) Tamgha, temgha, damgha, populis Mogholo-Tataro-Turcicae originis est signum, quo quid insignitum dignoscitur et distinguitur, insigne, character, nota characteristica, nota peculiaris.— Nonnullos tali tamghâ utendi modos subjiciamus... Vel denique monetis imprimebatur, tanquam insigne urbis, ubi, aut principis, quo jubente, cudebantur.... Tali insigni notatus nummus proprie quidem tamghalu vocatur; sed mirum haud videatur, si tamgha, ut pro ipso diplomate augusto accipi vidimus, ita etiam pro monetâ ipsâ, tali insigni notatâ vel notari solitâ, venerit.... Atque hoc ipsum vocabulum tanga s. tenga esse censeo, quod unâ cum ingenti aliorum numero et nominatim cum aliis quibusdam nummorum nominibus, a Tataris Hordae aureae impotenter quondam dominantibus nec unqu-

называемыя въ послѣдствіи *копѣйками*, съ временнымъ появленіемъ нѣсколькихъ другихъ видовъ монетъ, съ измѣненіемъ по временамъ ихъ вѣса, сдѣлались главнымъ представителемъ монетныхъ цѣнностей до начала XVIII столѣтія. Золото встрѣчается въ употребленіи не иначе, какъ въ видѣ монетъ для подарковъ, или медалей для наградъ; а мѣдная монета, существовавшая въ продолженіи нѣкотораго времени, подъ конецъ XVII стол. изчезла изъ обращенія. Въ слѣдствіе этого, а также и того обстоятельства, что пущенная въ ходъ монета была переливаема и пропадала изъ обращенія по причинѣ, что цѣна металла въ слиткахъ далеко превышала цѣну его въ чеканѣ, при началѣ XVIII стол., произошла несоразмѣрность количества ходячей монеты съ расширившимся кругомъ народныхъ нуждъ и увеличившимся народонаселеніемъ (12), и недостатокъ въ монетѣ сдѣлался такъ ощутителенъ, что для удовлетворенія потребности въ мелкой размѣнной монетѣ, принуждены были прибѣгнуть снова къ употребленію кожаныхъ знаковъ и другихъ предметовъ, и что

---

am non imperantibus tengam (i. e. pecuniam) et a civitatibus cogentibus acceptum, Rossi, neglectâ eâ, quâ eo usque usi erant, pecuniae appellatione *пѣнязь*, suae linguae inseruerunt, ab iisdem Tataris signandae etiam monetae artem usumque edocti. — Numus Rossicus *пулъ* seu *пуло*, quod ipsum (verbum) est Tatarorum. — (De origine vocabuli Rossici *деньги*, per C. M. Fraehnium. Casani, an. 1815).

(12) Эта несоразмѣрность массы обращавшейся монеты съ народонаселеніемъ существовала даже при концѣ царствованія Петра Великаго: по ревизіи 1722 г. общее число жителей показывается до 14 милл. душъ; въ теченіи же послѣднихъ 25 лѣтъ царствованія Петра I, т. е. отъ 1700 г. до начала 1725 г., вычеканено было золотой и серебряной монеты на 27,733,808 руб., слѣдовательно приходилось около 2 р. на человѣка. (См. Историческо-Статистическое обозрѣніе монетнаго дѣла въ Россіи, К. И. Арсеньева, въ I и II кн. Зап. Географ. Общества.)

начали разсѣкать серебряныя монеты (копѣйки) на двѣ и на три части ([13]). Чтобъ отвратить всѣ эти неудобства, Петръ Великій рѣшился установить новую монетную систему, которая могла бы удовлетворить общей потребности. Названія счетныхъ монетъ были приложены къ монетамъ дѣйствительнымъ; начали чеканить монету золотую и мѣдную по отношенію къ новому рублю; опредѣлена проба монетъ; учреждено особенное правительственное мѣсто для завѣдыванія исключительно монетнымъ дѣломъ. Словомъ, начался новый порядокъ въ сферѣ монетнаго дѣла.

([13]) Указъ 11 Марта 1700 г. (Полн. Собр. Зак.): «Великій Государь указалъ: дѣлать мѣдныя денежки, и полушки, и полуполушки, для того, во многихъ низовыхъ и въ иныхъ городѣхъ, за скудостью денежекъ, на размѣну въ мелкихъ торгахъ пересѣкаютъ серебряныя копѣйки на двое и на трое, и торгуютъ ими вмѣсто денежекъ на размѣнъ; а въ Калугѣ и въ иныхъ городѣхъ, вмѣсто серебряныхъ денежекъ, торгуютъ же кожанными и иными жеребьями».

III.

Почему мы начинаемъ изслѣдованіе монетной системы со втораго ея періода? — Опредѣленіе тогдашней единицы *вѣса* металла есть исходный пунктъ изслѣдованія. — *Гривна* и *гривенка* въ смыслѣ единицы вѣса металла; гривна новгородская. — Историческія свидѣтельства о размѣрѣ *гривенки*. — Безразличное употребленіе въ актахъ словъ: *гривна* и *гривенка*. — Гривна въ общемъ смыслѣ вѣса составляла фунтъ. — Слова: гривна и гривенка въ примѣненіи къ измѣренію драгоцѣнныхъ металловъ употреблялись въ смыслѣ полфунта. — Большая гривенка и малая гривенка. — Гривна кіевская; — различіе въ вѣсѣ ея отъ новгородской. — Почему это различіе не можетъ затруднять изслѣдователя. — Происхожденіе золотника. — Неизмѣнность золотника и одинаковость повторенія его въ фунтѣ съ самыхъ древнихъ временъ. — Нумизматика представляетъ единственный источникъ для опредѣленія вѣса и цѣны нашихъ монетъ до начала XVI столѣтія. — Начало отечественной обработки нашей нумизматики. — Трудъ Круга: Zur Münzkunde Russlands. — Труды другихъ изслѣдователей по части нумизматики. — Заслуга Круга, Френа. — Сочиненія барона Шодуара и Черткова. — Учрежденіе Общества Археологіи и Нумизматики полагаетъ новую эпоху въ изслѣдованіяхъ по части нумизматики.—Въ какой мѣрѣ наша нумизматика, въ настоящемъ ея состояніи, можетъ быть намъ полезна.

Изъ сдѣланнаго историческаго изложенія монетныхъ цѣнностей можно видѣть основаніе нашего дѣленія ихъ исторіи на сказанные періоды, а также и то, почему мы полагаемъ не простирать нашихъ изслѣдованій далѣе начала втораго періода. Какъ ни справедливы жалобы нашихъ нумизматовъ на чрезвычайное, такъ сказать, безмолвіе нашихъ первыхъ металлическихъ монетъ, которыя даже необыкновенному терпѣнію и опытности не все-

гда открываютъ время ихъ сдѣланія, цѣну и названіе, тѣмъ не менѣе однакожъ должно допустить, что только по нимъ можно сколько нибудь безошибочно судить о ихъ тогдашнемъ значеніи. Если множество сдѣланныхъ доселѣ попытокъ со стороны людей, обладавшихъ всѣмъ возможнымъ запасомъ необходимыхъ свѣденій, попытокъ опредѣлить значеніе монетныхъ цѣнностей перваго періода, остались столь далеко недостигшими цѣли, то причину тому, по нашему мнѣнію, должно искать не столько въ недостаточности дошедшихъ до насъ письменныхъ свидѣтельствъ, сколько въ неимѣніи вещественныхъ, такъ сказать, поличныхъ свидѣтелей тѣхъ цѣнностей, которыя могли бы подтвердить или опровергнуть соображенія, подать болѣе прочную руководную къ нимъ нить.

Начиная, по сказанной выше причинѣ, наши изслѣдованія монетной системы со времени появленія у насъ первыхъ металлическихъ монетъ, мы должны, согласно съ сдѣланнымъ планомъ, прежде всего обратиться къ опредѣленію тогдашней единицы *вѣса* металла. Только имѣя несомнѣнныя свѣденія о величинѣ этой единицы и объ отношеніи ея къ единицѣ вѣса металла въ наше время, мы будемъ въ состояніи дѣлать дальнѣйшія соображенія. Эти свѣдѣнія суть необходимая точка опоры,—не обходимая до такой степени, что, предположивъ ее базвозвратно потерянною, мы должны отказаться отъ всякой надежды на успѣхъ въ опредѣленіи значенія древнихъ цѣнъ. И такъ, какая же была эта единица?

Словà, которыя мы встрѣчаемъ въ современныхъ актахъ въ примѣненіи къ измѣренію основной единицы вѣса металла, служившаго матеріаломъ монетѣ, суть: *гривна* и появившееся нѣсколько позже: *гривенка*. Соображая всѣ дошедшія до насъ извѣстія о размѣрѣ гривны, мы необходимо приходимъ къ убѣжденію, что

гривна, въ смыслѣ вѣса, имѣла двоякій размѣръ ([14]): на сѣверѣ — въ Новгородѣ, она имѣла большій размѣръ; на югѣ — въ Кіевѣ, меньшій. Торговля Новгорода съ Германіей была причиною позаимствованія имъ у послѣдней вѣса гривны, равнявшагося вѣсу древнѣйшей нѣмецкой марки или фунта. Торговыя сношенія Кіева съ Греціей служили къ позаимствованію имъ у грековъ гривны меньшаго размѣра, равнявшейся вѣсу греческой литры.

Извѣстно, что древнѣйшая германская марка или фунтъ ([15]) имѣла въ себѣ вѣсу 16 унцовъ или 96 нашихъ золотниковъ. Впослѣдствіи, около половины XI столѣтія, установилось въ Германіи различіе между этою маркою въ 16 унцовъ или фунтомъ и маркою въ 8 унцовъ; и изъ соображенія различныхъ мѣстъ нашихъ письменныхъ памятниковъ видно, что первоначальной нѣмецкой маркѣ въ 16 унцовъ новгородцами было дано названіе гривны; а маркѣ въ 8 унцовъ — названіе гривенки; хотя безразличное часто употребленіе этихъ двухъ названій (гривны и гривенки) одного вмѣсто другаго, и происходившее оттуда смѣщеніе служило поводомъ къ названію собственно гривенки (полфунта) *малой гривенкой* въ отличіе отъ гривны (фунта), которая часто также бы-

---

([14]) Слово *гривна* имѣетъ нѣсколько значеній въ нашихъ древнѣйшихъ памятникахъ; такъ: 1) какъ почетный знакъ, она означала цѣпь, носившуюся на шеѣ, на которой вѣроятно прицѣпливали медаль; 2) какъ числительная цѣнность, и 3) какъ вѣсъ. Мы здѣсь разсматриваемъ гривну въ послѣднемъ значеніи. Но вообще слово *гривна*, въ отношеніи всѣхъ его значеній, требуетъ, какъ извѣстно, еще многихъ изысканій.

([15]) Что слова: фунтъ и марка были употребляемы, напримѣръ, въ Англіи, какъ выраженія синонимическія, тому служитъ доказательствомъ слѣдующее мѣсто изъ грамоты 1296 года: Cum nos concesserimus dilecto clerico nostro Gilberto.... quamdam ecclesiam viginti marcarum vel librarum valorem annuum attingentem, etc. —

ла называема гривенкой. Что первоначальная *гривенка* или впослѣдствіи *малая гривенка* дѣйствительно составляли полфунта и равнялись нѣмецкой 8-унцовой маркѣ, видно изъ слѣдующаго драгоцѣннаго для насъ мѣста въ Посольскихъ дѣлахъ прусскихъ ([16]). Подъ1518 г. тамъ читаемъ: «зоветця «*марка*, а у насъ по-русски гривенка (серебра)... и кояж«до гривенка на 16 лотовъ раздѣлитца». Далѣе, въ ариѳметикѣ Леонтія Магницкаго, напечатанной въ 1703 г. по повелѣнію Петра Великаго, и выбранной отчасти изъ старинныхъ математическихъ славянскихъ книгъ, находимъ, что «литра въ 72 золотника вѣситъ 1½ гривенки». Слѣдовательно гривенка, по этому размѣру, должна была составлять 48 золотниковъ. Изъ слѣдующаго же мѣста «*Устава Ратныхъ Дѣлъ*», писаннаго въ царстованіе Василія Іоанновича Шуйскаго, видимъ, что слова: гривна и гривенка были часто употребляемы одно вмѣсто другаго, и что гривенка въ общемъ смыслѣ вѣса составляла ровно фунтъ. Тамъ сказано (т. II стр. 17), ([17]), что ядро пищали (пушки) Василиска вѣсило 70 *гривенокъ;* что 240 такихъ ядеръ составляли 168 контаревъ (или 16,800 гривенокъ); а въ контарѣ два пуда съ половиною ; а въ пудѣ 40 фунтовъ. Если контарь ([18]) составлялъ 2½ пуда, т. е. 100 фунтовъ, то въ 168 контаряхъ будетъ 16,800 фунтовъ и слѣдовательно здѣсь слово : гривенка употреблено вмѣсто слова гривна или фунтъ ([19]). Съ другой стороны, изъ одного мѣста упомянутой ариѳметики Леонтія Магницкаго видимъ, что слово *гривна*, въ примѣненіи къ измѣренію

([16]) Карамз. I. пр. 298.
([17]) Карамз. I. пр. 298.
([18]) Въ Уставѣ Ратн. Дѣлъ, Т. I. стр. 85. сказано «контарь (и въ скобкахъ прибавлено *центнеръ*) два съ половиною пуда».
([19]) И теперь еще чуваши называютъ фунтъ гривенкой. Арцыбышевъ Т. I. стр. 20. пр. 84.

вѣса драгоцѣнныхъ металловъ, употреблялось въ смыслѣ полфунта; на листѣ 37 (на оборотѣ) именно читаемъ: «гривна серебра имѣетъ въ себѣ 16 лотовъ, а гривна золота 56 червонцевъ».

Сличивъ эти два мѣста, изъ которыхъ послѣднее ясно указываетъ, что слово: гривна было употребляемо въ смыслѣ гривенки или полфунта при взвѣшиваніи драгоцѣнныхъ металловъ, и не видя, затѣмъ, указанія, чтобы на противъ, слово гривенка, въ отношеніи къ драгоцѣннымъ металламъ, было употребляемо въ смыслѣ гривны или фунта, мы вправѣ заключить, что въ отношеніи къ драгоцѣннымъ металламъ, слова: *гривна* и *гривенка* значили всегда полфунта; но въ общемъ смыслѣ вѣса, слово гривенка было употребляемо какъ совершенный синонимъ слова: гривна, т. е. фунта. Въ примѣненіи же къ измѣренію вмѣстѣ товаровъ и драгоцѣнныхъ маталловъ, употреблялись, для большей опредѣлительности, выраженія: *большая гривенка* для означенія фунта, и *малая гривенка* для означенія полфунта. Въ рукописи XVII стол. подъ названіемъ: *Память товарамъ, нѣмецкимъ всякимъ и ефимкамъ и золотымъ, и сукнамъ и жемчугамъ и всякой рухляди, почему на Москвѣ, и на мурманскомъ и въ нѣмцахъ купятъ и продаютъ*»,—сказано прямо: «А въ фунтѣ «большая гривенка, а малыхъ въ фунтѣ двѣ гривенки; а «золотниковъ 96 въ фунтѣ; а въ безмѣнѣ полтри фунта, «а малыхъ гривенокъ въ безмѣнѣ пять гривенокъ; въ «безмѣнѣ 240 золотниковъ; въ пудѣ безмѣновъ 16; а въ «пудѣ гривенокъ большихъ сорокъ ([20])».

Что касается до вѣса кіевской гривны, то свидѣтельства о равенствѣ ея съ греческою литрою такъ очевидны, что они не допускаютъ, въ особенности послѣ розыска—

([20]) См. Историч. Сборникъ Библіотеки М. П. Погодина, № 30.

ній Круга, никакого въ томъ сомнѣнія. Въ старинныхъ нашихъ ариѳметикахъ она прямо даже называется литрою и показывается ровною $1^{1}/_{2}$ гривенкѣ новгородской или 72 золотникамъ, составлявшимъ греческую литру. (21)

Наконецъ, неопровержимымъ доказательствомъ существовавшаго различія въ вѣсѣ гривны новгородской и кіевской служитъ различіе въ вѣсѣ найденныхъ доселѣ гривенокъ или слитковъ серебра въ сѣверной Россіи (въ Новгородѣ и Рязани), и въ Кіевѣ. Тогда какъ вѣсъ каждаго изъ слитковъ, найденныхъ въ 1821 г. въ Новгородѣ, простирается отъ $42^{1}/_{2}$ до 46 золотниковъ, а вѣсъ найденныхъ въ Рязани отъ 44 золотниковъ 12 долей до 49 золотниковъ 84 долей,—вѣсъ найденныхъ въ 1826 году въ Кіевѣ серебряныхъ слитковъ (гривенокъ) простирается отъ 36 золотниковъ до 38 золотниковъ. (22)

Такая разность размѣра основной единицы вѣса металла на сѣверѣ и югѣ Россіи должна, повидимому, затруднять изслѣдователя въ разъясненіи первоначальной исторіи металлическихъ монетъ. Но опасеніе этаго задрудненія изчезаетъ, если мы обратимъ вниманіе, съ одной стороны, на то обстоятельство, что употребленіе кіевской гривны осталось только мѣстнымъ, не простиравшимся далѣе кіевскаго княжества (23); и съ другой стороны,

---

(21) Замѣчательно, что слово *литра* доселѣ употребляется въ смыслѣ вѣса 72 золотниковъ въ дѣлѣ пряденаго золота и серебра, употребляемаго для вышиванія. Цѣвкою называется мотокъ золотыхъ или серебряныхъ нитокъ, свитый жгутомъ. Въ *литрѣ* 12 цѣвокъ, вѣсомъ въ 72 золотника. (См. № VI — VIII. 1850 г. Запис. Имп. Археол. Общ. стр. 96).

(22) Aperçu sur les monnaies russes, par B. de Chaudoir. — Недостатокъ или излишество вѣса этихъ слитковъ противъ половиннаго мы приписываемъ рѣшительно, не смотря на недоумѣніе нѣкоторыхъ изслѣдователей, времени и несовершенству тогдашнихъ средствъ литья металловъ.

(23) Даже въ самомъ Кіевѣ, можно полагать, употребленіе литры

что употребленіе вѣса новгородской гривны, безъ сомнѣнія, въ слѣдствіе обширности владѣній Новгорода, заключавшихъ въ себѣ на югѣ уже въ первой половинѣ XII стол. даже Торжокъ (24), мы рано видимъ распространеннымъ на всемъ пространствѣ средней и восточной Руси. Южная Русь, не распространивъ такимъ образомъ на сѣверѣ своей гривны, передала однакожъ послѣднему размѣръ и названіе части ея, золотника, который, въ свою очередь, одолженъ своимъ происхожденіемъ и повѣсу, и по имени, вѣсу греческой золотой монеты solidus (25). Но это за-

---

прекратилось уже въ началѣ или половинѣ XIV стол., т. е. съ утвержденіемъ тамъ власти литовцевъ. По крайней мѣрѣ подтвержденіемъ этого мнѣнія служитъ дань, которую наложилъ, въ 1399 г., на Кіевъ, при взятіи его, Ханъ Тимуръ-Кутлукъ, въ 3,000 руб. литовскихъ. Карамз. V. стр. 171.

(24) Карамз. II. стр. 193.

(25) Происхожденіе имени и вѣса нашего золотника отъ греческой монеты solidus, solidus aureus, не можетъ подлежать сомнѣнію, послѣ основательныхъ доводовъ, приведенныхъ Кругомъ въ его сочиненіи: Zur Münzkunde Russlands. — Предки наши, какъ мы видѣли, въ первое историческое время своего существованія, не имѣли своей собственной металлической монеты. Между тѣмъ въ Греціи во множествѣ (Zur Münzkunde Russl. p. 48 и сл.) чеканилась золотая монета, извѣстная подъ именемъ solidus; объ этихъ солидахъ упоминается въ весьма многихъ книгахъ и граматахъ среднихъ вѣковъ, и надобно думать, что они ходили во всей Европѣ. Въ нѣкоторыхъ земляхъ дѣлали даже монеты подъ этимъ именемъ, или по крайней мѣрѣ подражали ихъ клейму; названіе ихъ принято было во многихъ языкахъ и по нимъ опредѣлялась цѣна другихъ монетъ. Находимыя доселѣ часто эти монеты въ губерніяхъ до Волги, и найденныя въ немаломъ количествѣ даже въ Псковѣ (см. Историч. Разговоры о Древностяхъ Великаго Новгорода, Митроп. Евгенія, стр. 58) доказываютъ, что эта монета служила посредницей мѣны грековъ и съ нашими предками. При раннемъ столкновеніи славянъ съ Византійскою имперіей и при встрѣтившейся необходимости опредѣлить цѣну при заключенныхъ условіяхъ, они естественно должны были предоставить грекамъ приложить къ этому опредѣленію ихъ собственную монету. Solidus, бывшій въ то время въ Греціи такою монетою, по которой устанавлялась цѣна всѣмъ другимъ, и котораго вѣсъ, по это-

имствованіе въ новгородскую гривну золотника было не безъ причины: вѣсъ solidus или золотника пришелся такого размѣра, что онъ въ повтореніи 96 разъ составилъ, весьма приблизительно, размѣръ новгородской гривны въ общемъ смыслѣ вѣса, т. е. фунта; и такъ какъ этотъ золотникъ, какъ показано выше (26), въ вѣсѣ своемъ съ самыхъ древнихъ временъ не измѣнился, и число повтореній его въ гривнѣ или фунтѣ также не измѣнилось, то изъ этого слѣдуетъ, что размѣръ самаго фунта, съ самыхъ древнихъ временъ, остается въ Россіи одинъ и тотъ же.

Съ помощію этого положительнаго и основнаго свѣдѣнія, а также имѣющихся монетъ того времени, намъ пред-

---

му, имѣлъ наибольшее вліяніе, послужилъ средствомъ опредѣленія различныхъ условій въ договорахъ Олега и Игоря съ греками. Впослѣдствіи монета изчезла, вышла изъ употребленія; но вѣсъ, составляющій одно изъ главныхъ достоинствъ монеты, и котораго solidus былъ вещественнымъ представителемъ, остался. «Я имѣлъ случай, говоритъ Кругъ (стр. 132 и сл.), изслѣдовать достаточное количество solidus, различныхъ столѣтій, и всегда вѣсъ тѣхъ, которые хорошо сохранились, былъ между 69 и 71 гранами аптекарскаго вѣса.... Если принять въ соображеніе, что въ то время remedium еще не былъ такъ опредѣленъ какъ теперь, то весьма легко понять эту разницу вѣса однимъ граномъ болѣе или менѣе. Я нашелъ также, что эти греческіе императорскіе solidi, со временъ Валентиніана I, вѣсили ровно 70 грановъ. Русскій же золотникъ вѣситъ столько же. Это навело меня на мысль, что самое названіе *золотникъ*, могло произойти отъ названія этихъ монетъ, и что оно, въ началѣ своемъ, столько же, какъ и *золотой*, aures, значило. Это мнѣ въ особенности яснымъ кажется изъ того, что въ лѣтописяхъ выраженія: *золота и золотникъ* употребляются какъ совершенные синонимы; равно какъ и въ славянскомъ переводѣ Библіи... Одинъ греческій solidus aureus въ IX и X стол. составлялъ тогдашній русскій золотникъ, который вѣситъ столько же и въ настоящее время. Слѣдовательно вѣсъ золотника въ Россіи не измѣнился.»

(26) См. предыдущее примѣчаніе.

ставляется уже возможность опредѣлить, хотя впрочемъ только приблизительно, то количество этихъ монетъ, которое, сообразно съ ихъ размѣромъ, могло вмѣщаться въ *гривнѣ серебра* или нынѣшнемъ полфунтѣ; а слѣдовательно опредѣлить и внутреннюю цѣну ихъ по отношенію къ цѣнѣ монетъ нашего времени. Это приблизительное опредѣленіе будетъ относиться особенно къ первымъ полутора вѣкамъ нашего втораго періода, такъ какъ до самаго начала XVI столѣтія или даже до второй его четверти, мы лишены всякаго положительнаго извѣстія о вѣсѣ и цѣнѣ нашихъ денегъ. Выводы изъ среднихъ чиселъ должны будутъ, по этому, составлять единственный способъ опредѣленія того и другаго, до сказанной эпохи. Помощь нумизматики здѣсь будетъ намъ необходима; скажемъ болѣе: только она и можетъ здѣсь подать намъ руководную нить.

Но въ какой степени можетъ подать намъ пособіе наша нумизматика, при настоящемъ ея состояніи? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ съ большею основательностію, необходимо обозначить ходъ занятій этою наукою, изъ чего сами собою обозначатся полученные результаты. Собственно отечественная обработка нашей нумизматики не восходитъ далѣе второй половины прошедшаго столѣтія, когда Татищевъ и Болтинъ, въ примѣчаніяхъ своихъ на законы Ярослава Великаго, въ первый разъ начали рѣчь о кожаныхъ деньгахъ; Князь Щербатовъ написалъ свой «Опытъ о Древнихъ Россійскихъ Монетахъ» въ Академическихъ извѣстіяхъ на 1780 и 1781 г., и Шлёцеръ издалъ исторію монетъ съ Петра Великаго. Такое недавнее начало изслѣдованій въ этомъ отношеніи не даетъ намъ, конечно, надежды ожидать отъ нихъ многаго. Для совершенія этого многаго, врмея составляетъ одно изъ главныхъ и даже необходимыхъ условій. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, поприще изысканій въ этомъ отношеніи, бывъ

занято еще такъ недавно, не оставалось впослѣдствіи празднымъ, и то, что совершено на немъ до нашихъ дней, не вовсе безплодно. Такъ, уже въ 1805 г., наша нумизматика находитъ себѣ дѣятеля въ Кругѣ,—дѣятеля одареннаго такою пытливостію и критическимъ талантомъ, что только они дали ему возможность написать сочиненіе: Zur Münzkunde Russlands,—сочиненіе, положившее прочную основу дальнѣйшимъ нумизматическимъ трудамъ, и безъ котораго приложеніе нумизматики къ объясненію различныхъ сторонъ исторіи едвали было бы возможно. Благодаря прочности изысканій Круга, начинается рядъ сочиненій о Русскихъ монетахъ другихъ изслѣдователей. Въ 1810 г. появляется сочиненіе Тимоѳея Мальгина: «*Опытъ историческаго изслѣдованія о древности монетъ въ Россійскомъ государствѣ*»; въ 1815 году «*Опытъ описанія Россійскихъ монетъ*, барона Фитингофа; въ томъже году—изслѣдованіе о мѣдной монетѣ, и въ особенности мѣдной русской монетѣ, Шторха; въ 1815 же году сочиненіе Френа: *De origine vocabuli Rossici Деньги;* и въ слѣдующемъ году сочиненіе тогоже ученаго: *De nummorum Bulgharicorum forte antiquissimo libri duo*. Въ 1824 году сочиненіе Н. Арцыбашева «*О древнихъ Русскихъ деньгахъ*». Въ 1827 и 1828 годахъ появляются изслѣдованія Каченовскаго «*О бѣлыхъ лобкахъ и куньихъ мордкахъ; о старинныхъ названіяхъ въ Россіи денегъ металлическихъ въ смыслѣ ходячей монеты; о найденныхъ старинныхъ монетахъ Россійскихъ въ орловской губерніи въ 1828 году; о способѣ узнавать вѣкъ и значеніе старинныхъ монетъ Русскихъ*». Въ 1831 году «*Историческій опытъ о древнихъ Русскихъ монетахъ и кожаныхъ деньгахъ, начиная со введенія оныхъ въ Россіи до нынѣшнихъ временъ;*»—въ 1832–1833 год. появляются изслѣдованія Эрдмана о словѣ гривна; въ 1833 же году сочиненіе Бекетова «*Краткое обозрѣніе древнихъ ходячихъ монетъ, подъ названіемъ кунъ*

бывшихъ въ употребленіи въ Россіи;» въ 1834 году изслѣдованіе Круга: *Russische Popeiken und Deneschken von Kupfer unter Tsar Alexei Michailovitsch*; въ 1835 году «*о кожаныхъ деньгахъ*», соч. Коченовскаго.

Вмѣстѣ съ этими, главнѣйшими, изслѣдованіями появлялись описанія нумизматическихъ собраній и отдѣльныхъ монетъ: въ 1819 году издано «*Краткое описаніе Россійскихъ монетъ находившихся въ минцъ-кабинетѣ Фукса*»; въ 1824 г. «*Описаніе Русскихъ монетъ, представленныхъ Обществу Исторіи и Древностей Россійскихъ* (Брусилова); въ 1830 г. Френъ описалъ монеты золотой орды.

Не забудемъ также именъ Геракова, Митрополита Евгенія, Германа, Калайдовича, Воейкова, Успенскаго, Аделунга, Бекетовыхъ, Писарева, Строева, и наконецъ нашего исторіографа Карамзина,—именъ людей, посвящавшихъ болѣе или менѣе своихъ трудовъ, съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ, на тѣ, или другіе частные вопросы нашей нумизматики.

Всѣ эти труды, не давши намъ, какъ мы видѣли, никакого положительнаго результата относительно перваго періода нашихъ монетныхъ цѣнностей, по самому отсутствію теперь у насъ этихъ цѣнностей, служили къ существенной пользѣ послѣдующей ихъ исторіи, именно, исторіи ихъ съ того времени, когда пощаженные временемъ наличные слѣды существованія ихъ подали прочныя основанія для соображеній и повѣрки указаній письменныхъ. Такъ, за трудомъ Круга: Zur Münzkunde Russands, всегда будетъ оставаться слава опредѣленія вѣса и происхожденія нашего древняго золотника; за трудами Френа—поясненіе многихъ сторонъ нашей нумизматики по отношенію къ нумизматикѣ восточной.

Но всего болѣе этимъ предшествовавшимъ работамъ обязаны мы тѣмъ, что онѣ проложили путь къ болѣе обширнымъ трудамъ на томъ же поприщѣ. Такъ, воспольt-

зовавшись результатами, добытыми въ этомъ отношеніи прежде, какъ русскими, такъ и иностранными изслѣдователями, и съ помощію собственныхъ обширныхъ изысканій, баронъ Шодуаръ написалъ въ 1836 году свое сочиненіе: *Aperçu sur les monnaies russes et sur les monnaies étrangères, qui ont eu cours en Russie*. Это сочиненіе, какія бы ни предстояли въ будущемъ успѣхи работамъ по части русской нумизматики, всегда останется на степени трудовъ самостоятельныхъ и слѣдовательно служащихъ высшею ступенью въ разработкѣ науки. Изложивъ собственно критическія изслѣдованія въ первой части своего труда, баронъ Шодуаръ посвятилъ весь второй томъ его исчисленію всѣхъ извѣстныхъ дотолѣ русскихъ монетъ отъ древнѣйшихъ временъ до нашего. Богатыя коллекціи Ермитажа, Академіи Наукъ, Академика Круга, Дѣйств. Ст. Сов. Рейхеля и собственная автора, представили ему матеріалъ для описанія 3267 монетъ и медалей. Изображенію ихъ авторъ посвятилъ третій томъ, который снабдилъ также 23 таблицами вѣса монетъ различныхъ эпохъ и относящихся къ новѣйшему времени цифръ о количествѣ металловъ, употребленныхъ на выдѣлку различной монеты. Съ другой стороны, почти въ тоже время появилось «*Описаніе Древнихъ Русскихъ Монетъ*» А. Черткова,—трудъ замѣчательный не по одному только значительному числу описанныхъ монетъ; (27) но

(27) Всего описано г. Чертковымъ 434 монеты собственно въ «Описаніи Древнихъ Русскихъ Монетъ» и 127 въ трехъ выданныхъ впослѣдствіи дополненіяхъ; но сколько первыя достовѣрны, столько послѣднія вообще сомнительны, а многія изъ нихъ рѣшительно фальшивыя. (См. Sur la contrefaçon des monnaies russes, par Pr. Th. Gagarine, въ Mém. de la soc. d'arch. et de numism. de St. Pétersbourg, Vol. I.). А потому монетъ, описанныхъ въ сказанныхъ трехъ прибавленіяхъ, мы рѣшились не принимать въ основаніе нашихъ выводовъ.

столько же, и, можетъ быть, еще болѣе, по той строгой критической оцѣнкѣ каждой изъ описанныхъ монетъ и по множеству вѣрныхъ историческихъ замѣтокъ о древней монетной системѣ, которыя могутъ быть слѣдствіемъ только любви къ предмету и долгаго изученія его.

Въ 1846 году, съ учрежденіемъ общества Археологіи и Нумизматики въ С. Петербургѣ, настала новая эпоха для изслѣдованій по части нашей нумизматики; труды въ этомъ отношеніи получили болѣе единства, обращено вниманіе на новыя стороны предмета; появились новые взгляды на различныя его части; и хотя недавность существованія общества не позволило ему совершить капитальные труды въ наукѣ; но и теперь уже нельзя обойти благодарностію именъ: Бартоломея, кн. Гагарина, Казанскаго, Рейхеля, Савельева, Сахарова.

Изъ этого очерка ученыхъ трудовъ по части нумизматики можно видѣть, гдѣ должны мы искать болѣе полныхъ, добытыхъ доселѣ, результатовъ для нашей цѣли; именно: въ наиболѣе обширныхъ изъ нихъ какъ по отношенію къ критической разработкѣ нумизматическихъ данныхъ, такъ и по отношенію къ количеству описанныхъ монетъ. Мы не имѣемъ болѣе полныхъ трудовъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, чѣмъ упомянутыя сочиненія: барона Шодуара Aperçu sur les monnaies russes и «Описаніе Древнихъ Русскихъ Монетъ», А. Черткова ([28]); а

([28]) Имѣемъ еще описаніе коллекціи монетъ г. Шуберта, изданное въ 1843 г., когда уже такъ распространена была нумизматическая поддѣлка, и о которомъ въ упомянутой статьѣ кн. Гагарина читаемъ слѣдующій отзывъ: «Mr Schubert, en publiant le catalogue de sa collection en 1843, époque, où l'on était fixé sur le vrai et le faux, a pourtant introduit dans son livre un certain nombre de spécimens de l'industrie moscovite, qu'il regarde comme authentiques.» — А потому мы рѣшились принимать это описаніе въ пособіе съ крайнею осторожностію.

потому по необходимости должны поставить ихъ въ главу матеріаловъ для нашихъ изысканій, дополняя ихъ тѣмъ, что сдѣлано въ послѣдствіи. Этимъ самимъ опредѣляется уже отвѣтъ на заданный нами себѣ вопросъ: въ какой мѣрѣ наша нумизматика, въ настоящемъ ея состояніи, можетъ быть намъ полезна? Польза ея будетъ соотвѣтствовать степени критической оцѣнки и извѣстному доселѣ количеству нумизматическихъ данныхъ, изложенному въ помянутыхъ двухъ и послѣдовавшихъ за ними сочиненіяхъ. Многія изъ положеній ихъ должны будутъ, конечно, измѣниться съ дальнѣйшею разработкою науки; но большая часть этихъ положеній, мы въ этомъ увѣрены, останутся не преложными, и будущему предстоитъ не столько измѣненіе добытыхъ доселѣ истинъ, сколько восполненіе ихъ.

IV.

Происхожденіе рубля; — рубль первоначально составлялъ половинную часть гривенки. — Происхожденіе полтины; литые рубли и полтины не были изъ чистаго металла. — Примѣненіе понятія пробы не можетъ имѣть мѣста въ отношеніи какъ къ нимъ, такъ и вообще къ монетамъ до Петра Великаго. — Съ какою изъ двухъ цифръ вѣса нынѣшней монеты правильнѣе дѣлать сравненіе древнихъ монетъ. — Отношеніе литаго рубля и полтины къ нынѣшнему серебрянному рублю и полтинѣ. — Какъ долго были въ обращеніи литые рубли и полтины? — Согласность вывода нумизматики съ свидѣтельствомъ Герберштейна о началѣ у насъ монеты. — Существованіе литыхъ рублей и полтинъ должно быть разсматриваемо какъ время перехода отъ исключительнаго или по крайней мѣрѣ преимущественнаго представленія цѣнностей мѣхами къ звонкой монетѣ въ собственномъ смыслѣ. — Мѣха теряли свою цѣну въ качествѣ монеты по мѣрѣ замѣны ихъ драгоцѣннымъ металломъ. — Рубль и полтина являются какъ умственная мѣра счета суммъ; тогдашній рубль не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ монетной единицы нашего времени. — Причины разновѣсности тогдашнихъ монетъ: а) неимѣніе надлежащаго надзора за выдѣлкою монеты; б) чрезвычайное несовершенство способа ея выдѣлки.

Вопросы, которые представляются намъ прежде всего къ разрѣшенію, слѣдующіе: сколько и какіе именно виды металлической монеты существовали при первомъ ея у насъ появленіи? и какой металлъ служилъ для нея матеріаломъ?

Выше мы упомянули о гривенкахъ, или слиткахъ серебра, составлявшихъ по вѣсу, на сѣверѣ Руси, полфунта, а на югѣ ея—36 золотниковъ, слиткахъ, обращавшихся наряду съ мѣхами, въ качествѣ монеты, и суще-

ствованіе которыхъ, по несомнѣннымъ историческимъ свидѣтельствамъ, должно быть отнесено ко времени непосредственно предшествовавшему появленію у насъ собственной металлической монеты (29). Эти-то слитки важны для насъ въ одномъ отношеніи: необходимость дѣленія ихъ, въ видахъ большаго удобства платежей, заставила рубить ихъ на части, получившія названіе *рублей* (30), послужившія такимъ образомъ началомъ того названія единицы нашей монетной системы, которое не изчезало во все время существованія у насъ собственныхъ металлическихъ монетъ и остается въ употребленіи и въ наше время. Что рубли составляли первоначально части, и притомъ половинныя, гривенокъ, несомнѣнно удостовѣряютъ въ томъ найденные слитки (31), вѣсящіе отъ 21 до 24 золотниковъ; слѣдовательно половинную часть вѣса слит-

---

(29) Герберштейнъ, бывшій посланникомъ германскихъ императоровъ: Максимиліана I, Карла V и Фердинанда I, при Велик. Княз. Московск. Іоаннѣ Васильевичѣ и Василіи Іоанновичѣ, пишетъ (Rer. Moscov. Auct. Varii, Francof. 1600, p. 42): Vix centum annis utuntur moneta argentea, praesertim apud illos cusa. Initio, cum argentum in provinciam inferebatur, fundebantur portiunculae oblongae argenteae, sine imagine et scripturâ, aestimatione unius rubli: quarum nulla nunc apparet.—Гваньини говоритъ тоже самое (ibid. p. 158).—Фабръ, со словъ Волатерана, пишетъ: (ibid. p. 133): Volaterranus scribit, Ruthenos uti moneta non signata.

(30) См. Павскаго, Филол. Набл. надъ Сост. Русск. Яз. Разсужд. 2., отд. 1, стр. 164 и 165: «.....Изъ сихъ именъ (кончащихся на ль, аль, ель, оль, ыль) только *горбыль, рубль, вопль* по корню своему принадлежатъ къ числу нашихъ словъ.... Изъ исчисленныхъ выше именъ, кончащихся на губныя буквы, нѣкоторыя приняли букву *л* въ качествѣ придыханія. Таковыми признаю имена: *рубль, вопль, корабль, журавль.*»

(31) См. бар. Шодуара, Aperçu sur les monnaies russes, T. I. p. 95, 96. Слитки рублей, найденные въ 1821 году въ Новгородѣ, вѣсятъ отъ $21\frac{1}{2}$ до $22\frac{86}{96}$ золотниковъ; а найденные, еще прежде, въ 30 верстахъ отъ Москвы, отъ 22 до 24 золотниковъ; — въ 1819 г. найдены были также рубли — слитки, въ Серпуховѣ, того же вѣса.

ковъ, называвшихся гривенками. Потребность же дальнѣйшаго дѣленія рублей, вмѣстѣ съ необходимостію, по причинѣ неодинаковой толстоты концевъ гривенокъ, *располывать* ихъ вдоль, для болѣе правильнаго дѣленія, дала названіе *полтинамъ* ([32]). Таково по крайней мѣрѣ объясненіе происхожденія этихъ названій, которое можно считать наиболѣе вѣроятнымъ.

Эти литые рубли и полтины вещественнымъ, нагляднымъ образомъ показываютъ размѣръ ихъ, и слѣдовательно отношеніе ихъ вѣса къ вѣсу нынѣшнихъ серебряныхъ рублей. Но прежде нежели сдѣлать сравненіе, необходимо условиться: съ чѣмъ сравнивать эти слитки—рубли и полтины и вообще древнія наши монеты. Извѣстно, что нынѣшняя металлическая монета, въ видахъ предохраненія отъ порчи преднамѣренной, или случайной, выдѣлывается не иначе какъ съ примѣсью другихъ металловъ къ тѣмъ, которые составляютъ основу монеты; другими словами: монета настоящаго времени выдѣлывается съ примѣсью *лигатуры*, количество которой съ точностію означается. Въ слѣдствіе этого, мы имѣемъ для каждой монеты двѣ цифры ея вѣса: цифру вѣса ея по заключающемуся въ ней чистому металлу, и вѣсъ ея съ лигатурой. Желая опредѣлить вѣсъ какой нибудь древней монеты сравнительно съ монетою нашего времени, мы должны, по этому, предварительно условиться, съ какою изъ двухъ цифръ вѣса каждой монеты нашего времени производить сравненіе?

Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что въ эпоху, къ которой относятся разсматриваемые нами серебряные слитки, очистка металловъ отъ случайныхъ примѣсей не была извѣст-

---

([32]) Карамз. V. пр. 103: «слово *полтина* происходитъ отъ глагола *располоть*: ибо она состояла изъ половины рубля или серебрянаго прута, *вдоль* раздвоеннаго. Въ семъ смыслѣ донынѣ употребляется слово *полоть* (ветчины) и *полотокъ*». — О полтинѣ упоминается уже подъ 1384 г. (Ibid). —

на нашимъ предкамъ. Произведенныя въ 1828 году на С. Петербургскомъ монетномъ дворѣ изслѣдованія гривенокъ, найденныхъ въ Рязани, и литыхъ рублей, найденныхъ въ 1821 году въ Новгородѣ, показали большую разницу въ пробѣ однихъ сравнительно съ другими (33). Эта разница, безъ сомнѣнія, происходила, съ одной стороны, оттого что, при неимѣніи собственныхъ рудниковъ, серебро, перелевавшееся въ гривенки, было произведеніемъ чистой случайности, т. е. обращался въ гривенки металлъ, получавшійся или чрезъ торговлю, или какъ военная добыча; съ другой стороны, причиною примѣсей въ серебрѣ было совершенное незнаніе металлургическихъ пріемовъ и средствъ очистки. Утверждать, послѣ этого, что слитки, о которыхъ идетъ рѣчь, были всегда изъ чистаго серебра, было бы крайне неосновательно. Но съ другой стороны, примѣненіе къ нимъ нашего понятія *пробы*, т. е. совершенной извѣстности степени чистоты металла, не можетъ имѣть смысла. Скажемъ болѣе: оно неумѣстно не только въ отношеніи къ этимъ слиткамъ: но даже въ отношеніи къ монетамъ цѣлаго втораго періода нашей монетной системы, т. е. до эпохи Петра Великаго. До самаго того времени, когда, въ 1700 году, изданъ былъ указъ *«объ учиненіи для пробы золотыхъ и серебряныхъ вещей пробныхъ клеймъ» и проч.*, въ нашихъ постановленіяхъ не встрѣчается вовсе ничего о пробѣ вообще металловъ; а примѣненіе пробы металловъ собственно къ монетѣ въ первый разъ появилось только въ 1712 году, именно, когда по возвращеніи изъ Европы иностранца *Лана*, посыланнаго туда, по повелѣнію Петра, для узнанія пробъ ходячихъ монетъ, обращавшихся въ разныхъ государствахъ, привезенные имъ образцы были разсмотрѣны Се-

---

(33) Проба ихъ разнится отъ $71\frac{1}{2}$ до $93\frac{1}{2}$ золотниковъ (Bar. Chaud. T. I. p. 96).

натомъ и опредѣлены пробы для нашихъ монетъ. ([34]) Правда, наблюденіе, которое имѣло правительство, за чистотою металла, изъ котораго выдѣлывалась монета, показываетъ, что присутствіе примѣсей въ металлѣ было ему исвѣстно; но отсутствіе опредѣленія достоинства монетнаго металла служитъ яснымъ доказательствомъ, что искуство извлекать пробу было вовсе чуждо правительству.

Если же, на основаніи выше сказаннаго, какъ въ литыхъ рубляхъ и полтинахъ, такъ и во всѣхъ монетахъ до-петровскаго періода, нельзя допустить совершенной чистоты металла, то намъ кажется, что при сравненіи ихъ достоинства съ монетами нашего времени, правильнѣе будетъ дѣлать это сравненіе не съ вѣсомъ только чистаго металла, заключающагося въ монетѣ; но съ вѣсомъ ея, заключающимъ въ себѣ и лигатуру. Сравненіе въ отношеніи собственно чистаго металла и примѣси, взятыхъ отдѣльно, будетъ конечно приблизительное, но по крайней мѣрѣ вѣрное въ томъ отношеніи, что въ обоихъ членахъ сравненія дѣлается не безъосновательное предположеніе однородности.

Полагая, послѣ этого, что истинный вѣсъ литыхъ рублей долженъ былъ составлять ровно 24 золотника (такъ какъ бо̀льшаго вѣса они не встрѣчаются; а меньшій вѣсъ ихъ безъ сомнѣнія зависитъ отъ бывшаго ихъ употребленія и отъ утраты металла отъ времени;), и зная, что вѣсъ серебрянаго рубля настоящаго времяни составляетъ 4 золотника $82^{11}/_{25}$ долей, мы заключаемъ, что литой рубль составлялъ повѣсу 4, 93 нынѣшнихъ серебряныхъ рублей, и что слѣдовательно литая полтина, составлявшая половину литаго рубля, находится въ соотвѣтственномъ отношеніи къ нынѣшней полтинѣ.

Какъ долго были въ обращеніи эти литые рубли и

([34]) Полн. Собр. Зак. Т. IV. № 2586.

полтины? отвѣчать на этотъ вопросъ можно, основываясь на приведенномъ выше свидѣтельствѣ Герберштейна о началѣ у насъ собственной серебряной монеты, и отвѣчать притомъ только отрицательно, т. е. относительно времяни, когда литые рубли уже не существовали. Въ началѣ XVI столѣтія онъ писалъ, что предки наши «едва только сто лѣтъ какъ употребляли серебряную монету, преимущественно ими вычеканенную; въ началѣ же, когда серебро ввозилось къ нимъ, изъ него выливались продолговатые куски, безъ изображенія и надписи, цѣною въ одинъ рубль—*каковыхъ рублей въ его время уже вовсе не было*» (35). Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ, начало у насъ монеты должно относиться къ княженію сына Димитрія Донскаго, Василія Димитріевича. Хотя однакожъ первыя достовѣрныя серебряныя наши монеты относятся къ княженію Димитрія Донскаго; но какъ смыслъ рѣчи Герберштейна показываетъ, что онъ только приблизительно опредѣляетъ время начала у насъ монеты, то свидѣтельство его должно быть считаемо вполнѣ согласнымъ съ свидѣтельствомъ нумизматики, и слѣдовательно мы не вправѣ отвергать достовѣрности и другаго его сказанія о томъ, что въ его время литые рубли уже не существовали, хотя ходъ ихъ, какъ ниже увидимъ, прекратился весьма не задолго до того времени, когда писалъ Герберштейнъ.

Выше мы старались изъяснить происхожденіе у насъ металлическихъ монетъ собственно намъ принадлежащихъ. Каковы бы ни были впрочемъ причины ихъ происхожденія, для насъ важно только время появленія и виды монетъ. Княженіе Димитрія Донскаго, какъ мы видѣли, есть тотъ исходный пунктъ, который мы должны поставить началомъ у насъ металлической монеты въ собственномъ смыслѣ; потому что только съ этого времени мы имѣемъ

(35) См. прим. 29.

вещественные памятники ея, дающіе возможность судить о ихъ внутреннемъ достоинствѣ, и при томъ служившіе исключительнымъ представителемъ цѣнностей; а не въ совмѣстности съ мѣхами, какъ литые рубли и полтины. Замѣна мѣховъ, какъ представителей цѣнностей, звонкою монетою, безъ сомнѣнія, произошла не вдругъ: существованіе литыхъ рублей и полтинъ, о которыхъ упоминается въ первый разъ не ранѣе 1321 года (36) должно быть, повидимому, разсматриваемо какъ время перехода отъ исключительнаго или покрайней мѣрѣ преимущественнаго представленія цѣнностей мѣхами, къ звонкой монетѣ въ собственномъ смыслѣ. Что мѣха теряли свое значеніе монеты въ теченіе по крайней мѣрѣ полутора вѣка, можно заключать изъ того факта, что даже въ эпоху рѣшительнаго существованія уже у насъ металлическихъ монетъ, денегъ, въ XV вѣкѣ, менѣе торговыя области, восо-бенности отдаленныя сѣверныя (наприм. Двинская), по недостатку серебра, изъ котораго могли бы выдѣлывать деньги, употребляли мѣха въ качествѣ представителей цѣнностей, въ оборотахъ торговли (37). Съ другой стороны, естественно, что литые рубли и полтины, какъ ни мало представляли они качествъ монеты въ собственномъ смыслѣ, не могли также, по одной уже силѣ привычки къ нимъ, вдругъ выдти изъ обращенія со введеніемъ металлической монеты, какъ доказываютъ теперь имѣющіеся подобные рубли съ клеймами великихъ князей московскихъ Василія Димитріевича и Василія Васильевича (1425 — 1462) и тверскихъ князей Ивана Михаиловича и Михаила Борисовича (1461 — 1485 г.) (38). Но по мѣрѣ того, какъ сере-

(36) См. Карамз. IV. стр. 196. — Чтенія въ Имп. Обществѣ Ист. и Древн. Росс. № 3. 1846 г. стр. 19.

(37) См. Карамз. V. стр. 399.

(38) См. Очеркъ Исторіи Древней Монетной Системы на Руси, въ Чтеніяхъ въ Имп. Обществѣ Истор. и Древн. Росс. № 3. 1846.

бряная монета болѣе и болѣе распространялась и вытѣсняла собою мѣховые представители цѣнностей, сіи послѣдніе теряли свою стоимость въ качествѣ монеты. Въ началѣ мы встрѣчаемъ въ памятникахъ слово *гривна* или въ извѣстномъ уже намъ смыслѣ вѣса, соотвѣтствующемъ фунту въ общемъ смыслѣ вѣса, и полфунту въ отношеніи къ драгоцѣннымъ металламъ; или въ смыслѣ извѣстнаго количества мѣховыхъ цѣнностей, въ смыслѣ гривны кунъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ значеніе гривны измѣнялось, смотря по времени и мѣстности, въ отношеніи къ гривнѣ серебра ([39]). До тѣхъ однакожъ поръ, пока мѣха сохраняли свое качество ходячей монеты, и серебро служило представителемъ цѣнностей не болѣе какъ и мѣха, гривна мѣхами (кунъ) не могла много терять стоимости въ сравненіи съ гривною серебра; но когда драгоцѣнный металлъ сдѣлался исключительнымъ общимъ представителемъ мѣновыхъ цѣнностей, то естественно, что мѣха должны были потерять въ такой степени, въ какой возрасло значеніе металлической монеты. Вслѣдствіе этого, гривна кунъ упала на столько, что она стала стоить не болѣе десятой части серебрянаго рубля. Такъ покрайней мѣрѣ кажется намъ возможнымъ объяснить значеніе гривны въ то время, когда она является, съ водвореніемъ у насъ собственно металлической монеты, не болѣе какъ счетною монетою, значащею десятую часть рубля.

Съ водвореніемъ металлической монеты въ собствен-

([39]) Такъ, въ договорѣ смоленскаго князя Мстислава Давидовича съ нѣмецкими городами, въ 1228 г., читаемъ: «оже убьютъ волнаго человѣка, платити за голову 10 гривенъ серебра, по четыре гривны кунами», т. е. полагая 4 гривны кунъ на одну гривну серебра; а въ 1230 г. въ страшный голодъ новгородцы за четверть ржи платили гривну серебра или семь гривенъ кунами. Слѣдовательно, гривна кунъ имѣла тогда разную цѣну въ Смоленскѣ и Новгородѣ. (Карамз. I. пр. 527).

номъ смыслѣ, литые рубли и полтины, изчезнувъ изъ обращенія въ натурѣ, остались однакожъ въ понятіи народа какъ мѣра счета суммъ, вещественнымъ выраженіемъ которыхъ сдѣлалась серебряная монета, *деньга;* и какъ размѣръ рубля и полтины, по значительности его въ сравненіи съ мелкою монетою, *деньгою*, преимущественно былъ удобенъ при исчисленіи большихъ суммъ, потому что не возводилъ ихъ до большихъ цифръ, то рубль и полтина остались въ представленіи народа умственными монетными единицами наибольшаго размѣра.

Но рубль, оставшись въ понятіи народа высшею единицею счета монетъ, былъ ли дѣйствительно монетною единицей въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ ее теперь, т. е. тою основною мѣрою, въ отношеніи къ которой дѣлаются до такой степени точныя подраздѣленія монетъ, что въ своей совокупности они съ строгою математическою точностію равняются этой единицѣ? Безъ сомнѣнія нѣтъ. Уже одно различіе въ вѣсѣ старинныхъ нашихъ монетъ одного и того же названія, *денегъ*, не допускаетъ понимать тогдашній рубль въ смыслѣ монетной единицы нашего времени, потому что это различіе, при неиспорченности дошедшихъ до насъ разновѣсныхъ экземпляровъ, не позволяетъ предполагать причину его исключительно въ утратѣ металла отъ времени и обращенія въ народѣ. Разновѣстность монетъ, понашему мнѣнію, главнѣйше происходила отъ двухъ причинъ.

Во первыхъ, отъ неимѣнія надлежащаго надзора за выдѣлкою монеты. Весьма можно сомнѣваться въ томъ, чтобъ правительство, до начала XV столѣт., принимало непосредственное участіе въ выдѣлкѣ монеты: чрезвычайное различіе вѣса монетъ (отъ 22 даже до 9 долей) и безпрерывныя жалобы лѣтописцевъ на поддѣлку ихъ, показываютъ существованіе въ то время большаго произвола при дѣланіи монеты, которое, по всей вѣроятности, было въ рукахъ простыхъ

серебряныхъ дѣлъ мастеровъ ([40]), въ отношеніи къ выдѣлкѣ монеты, денегъ, носившихъ имя *денежниковъ*. На деньгахъ Іоанна III, съ появленіемъ бо̀льшаго однообразія вѣса ихъ, начинается однообразіе также знака на нихъ: на мѣсто четвероногихъ, птицъ, цвѣтовъ, грифоновъ, сиренъ и проч., видимъ уже опредѣленный штемпель, одинаковость подписи и даже расположенія ея, и наконецъ встрѣчаемъ на монетахъ имя денежника. ([41]) Все это показываетъ, что правительство приняло уже гораздо ближе къ своему вѣденію выдѣлку монеты. Наконецъ, подъ 1424 годомъ, псковская лѣтопись говоритъ: «Псковиче «отложиша пенязми артуги торговати и приставиша мас«теровъ денги ковати въ чистомъ сребрѣ»: а въ Софійскомъ Временникѣ находимъ положительное извѣстіе о томъ, что въ 1536 г. существовалъ денежный дворъ и при немъ казенный приставъ въ Новгородѣ ([42]): и хотя упомянутыя качества денегъ дѣда Іоанна Грознаго, а также отца его, Василія (большее однообразіе ихъ вѣса и формы), даютъ основаніе предполагать, что учрежденіе этого двора могло относиться ко времени гораздо раньшему 1536 года; но что и при существовавшемъ уже близкомъ надзорѣ со стороны правительства, по выдѣл-

---

([40]) Герберштейнъ говоритъ (стр. 42): Omnes fere aurifabri Moscoviae numos cudunt. — Гваньини говоритъ еще подробнѣе (стр. 158): omnes fere aurifabri in Moschovia, Novogardia, Tveria et Pskovia numos cudunt, et quicunque affert massas argenteas puras, numos ab aurifabro transmutare volens, tum numi et argentum appenduntur, atque aequa lance librantur, mercedem autem laboris exiguam aurifabri reportant.

([41]) См. Чертк. «Описан. Древ. Русск. Мон.»

([42]) Соф. Врем. Ч. II. стр. 387: «И начаша (въ Новгородѣ) дѣлати новыя деньги мѣсяца Іюля въ 20 день (1536 г.); а во дворѣ денежномъ велѣлъ князь великій вѣдати и смотрѣти на крѣпко дѣльщиковъ, денежныхъ мастеровъ, своему гостю московскому Богдану Семенову сыну Корюкова съ товарыщи, чтобы во дворѣ было безо всякія хитрости».

кѣ монеты были большія злоупотребленія на всемъ пространствѣ московскаго княжества, въ томъ удостовѣряетъ относящееся къ 1534 году слѣдующее свидѣтельство лѣтописи: «въ лѣто 7042, Сентября, на Москвѣ казнили «многихъ людей въ деньгахъ, москвичь, и смольнянъ, и «костромичь, и вологжань, и ярославцовъ, и иныхъ многихъ городовъ московскихъ.» (43)

Во вторыхъ, отъ чрезвычайнаго несовершенства способа выдѣлки монетъ. «Какъ почти вездѣ, въ средніе вѣка, такъ и въ Россіи», говоритъ одинъ изъ отличнѣйшихъ знатоковъ нашей нумизматики, Я. Я. Рейхель, «способъ чеканенія «былъ весьма простъ. Стальный пунцонъ, впущенный «въ наковальню, составлялъ лицевую сторону монеты; та«кой же, но нѣсколько подлиннѣе, для удобнѣйшаго обра«щенія, составлялъ оборотную ея сторону. Сіи два пун«цона и молотокъ были единственными нужными инстру«ментами для чеканенія. Въ горшкѣ расплавленный ме«таллъ вливался въ узкія желѣзныя или глиняныя фор«мы и разстягивался на скамейкѣ въ проволоку извѣст«ной толщины. Потомъ на этой проволокѣ обозначалось «дѣленіе ея на одинаковыя части: эти части отрѣзыва«лись щипцами, расплющивались молоткомъ, и изобра«жался знакъ. Такъ какъ подобнымъ способомъ пластинки «рѣдко могли получить кругообразный видъ, (44) и изо«браженіе штемпеля обыкновенно было больше самой «пластинки, то и находится весьма мало чистыхъ и впол«нѣ ясныхъ русскихъ монетъ среднихъ вѣковъ. Также «просто было и наложеніе штемпеля: обыкновенной острой «иглы достаточно было для сего». (45)

Ясно, что при такомъ несовершенномъ, почти ручномъ,

---

(43) Карамз. VIII. прим. 67.

(44) Герберштейнъ (стр. 41) говоритъ: «Moscoviticus numus non rotundâ, sed oblongâ et ovali quodammodo formâ».

(45) Смотр. Mém. de la Société d'arch. et de numismatique, T. I.

способѣ выдѣлки монеты, и при изъясненномъ отсутствіи бдительнаго надзора за этимъ предметомъ, нельзя было и требовать совершенно одинаковаго вѣса монеты: вѣсъ ея, очевидно, зависѣлъ отъ случая, и отъ большей или меньшей возможности для денежниковъ отступать отъ вѣса монеты, установленнаго правительствомъ, который также, въ началѣ появленія монеты, едва ли былъ точно опредѣленъ; потому что, по всей вѣроятности, имѣлъ своимъ основаніемъ вѣсъ монетъ татарскихъ, также разновѣсныхъ. Вслѣдствіе этого, количество мелкихъ монетъ, составлявшихъ рубль, не могло быть, по вѣсу, всегда точно одинаковое. (46).

(46) Одинъ изъ новѣйшихъ изыскателей (г. Ив. Сахаровъ) говоритъ: «Если лѣтописи и акты указываютъ намъ, что князья называютъ въ договорахъ деньги, обращавшіяся въ княженіяхъ, одинаковымъ именемъ, то не ужели мы будемъ думать, что они сбирали въ казну деньги одинаковаго названія только по счету, но разнаго вѣса, а слѣдовательно и разной цѣнности? Но князья именно договаривались, что бы деньги сдавались въ казну по вѣсу и по счету». Но выраженіе: *по вѣсу и по счету*, и доказываетъ, напротивъ, что точнаго вѣса денегъ не существовало. Сказанное выраженіе указываетъ именно на то, что опредѣлить сумму денегъ только счетомъ, какъ напр., въ наше время, по разновѣсности тогдашнихъ монетъ, денегъ, было вовсе недостаточно; и потому, для полной правильности расчета надобно было не только пересчитать ихъ; но и перевѣсить. Далѣе г-нъ Сахаровъ говоритъ: «лѣтописи говорятъ намъ, что денежные мастера за легковѣсныя деньги подвергались наказаніямъ. Это значитъ, что имъ даны были правила для вѣса денегъ; что уклоненіе отъ законной формы преслѣдовалось закономъ. Мы не знаемъ писателей, которые бы рѣшились отвергать показанія лѣтописей, когда онѣ говорятъ одинаково съ подлинными актами, когда онѣ подтверждаются археологическими данными, наличными деньгами.» Показанія лѣтописей состоятъ только въ томъ, что денежные мастера подвергались наказаніямъ за выдѣлку легковѣсныхъ денегъ; но онѣ ничего не говорятъ *о правилахъ*, которыя были даны для вѣса денегъ. Извѣстіе объ *одномъ* правилѣ касательно вѣса монетъ встрѣчаемъ не ранѣе 1536 г; но, вопреки утвержденію г. Сахарова, разновѣсность хорошо сохранившихся экземпляровъ денегъ того времени именно и говоритъ, что и это правило не было соблюдаемо. (См. Записки Отдѣленія Русской и Славянской Археологіи Императорскаго Археол. Общества, Т. I. Отдѣл. 1, стр. 142. — 1851 года).

V.

Среднiй вѣсъ монетъ — единственное основанiе выводовъ въ этомъ отношенiи до Василiя Темнаго. — Среднiй вѣсъ денегъ Димитрiя Донскаго; —Василiя Димитрiевича.—Чрезвычайная разновѣсность и вообще упадокъ денегъ Великаго Князя Василiя Темнаго;—мнѣнiе г. Черткова о причинѣ этого упадка. — Выводъ законнаго вѣса денегъ Великаго Князя Василiя Васильевича Темнаго на основанiи историческаго свидѣтельства. — Согласность вывода нумизматики съ упомянутымъ свидѣтельствомъ относительно вѣса денегъ Василiя Темнаго, Iоанна III, Василiя Iоанновича, Iоанна Грознаго. — Появленiе новаго штемпеля на деньгахъ Iоанна Грознаго. — Полденьга или полушка: свидѣтельства о размѣрѣ ея Гаклюйта, Маржерета, Торговой Книги, Копшихина. — Мнѣнiя г. Черткова и наше о времени появленiя ея. — Мѣдные пулы; — причины незначительности количества дошедшихъ до насъ пулъ и болѣе поздняго, сравнительно съ серебряною монетою, появленiя пулъ въ народномъ обращенiи; — невозможность вывода даже средняго вѣса пулъ; — причина разнорѣчiя свидѣтельствъ иноземцевъ о размѣрѣ пулъ.

Все вышесказанное о разновѣсности монетъ можетъ относиться преимущественно ко времени начала у насъ собственной монеты, и за тѣмъ вообще къ эпохѣ до XVI стол. *Среднiй* вѣсъ монетъ покрайней мѣрѣ до Василiя Темнаго по необходимости долженъ служить единственнымъ основанiемъ какихъ бы то ни было выводовъ въ этомъ отношенiи; потому что первое положительно извѣстiе о томъ, сколько правительствомъ опредѣлено было выдѣлывать серебряныхъ денегъ изъ полфунта серебра, и слѣдовательно, какой долженъ былъ быть законный вѣсъ монетъ, относится къ княженiю только Василiя Iоанновича, отца Iоанна Грознаго.

Исчислимъ монетныя названiя, встрѣчаемыя въ разсматриваемомъ нами второмъ перiодѣ, до царствованiя Алексiя Михайловича.

Рубль, какъ мы сказали, остался монетою счета; названіе полтины сдѣлалось также принадлежностію счетной монеты; за тѣмъ, въ числѣ счетныхъ же монетъ видимъ: *гривну* и *алтынъ*; и, какъ дѣйствительныя монеты, *деньгу*-серебряную, и *пуло*-мѣдную. Монеты счетныя всегда имѣютъ свое основаніе въ монетахъ дѣйствительныхъ, а потому, прежде нежели изслѣдовать первыя, необходимо изъяснить значеніе послѣднихъ.

Хронологическій пунктъ, съ котораго мы должны начать изслѣдованіе древнѣйшей нашей монеты, *деньги*, составляетъ княженіе Димитрія Іоанновича Донскаго (съ 1362-1389 г). Средній вѣсъ денегъ этого великаго князя мы должны выводить: 1) изъ двухъ монетъ, описанныхъ г. Чертковымъ (47); 2) изъ пяти монетъ, описанныхъ у барона Шодуара (48); и 3) изъ одной монеты, описанной г. Рейхелемъ (49). Вѣсъ денегъ г-на Черткова: болѣе 16 гранъ аптекарскаго вѣса (22 доли) (50), и 14 гранъ (19 долей); вѣсъ денегъ барона Шодуара въ 24, 20, 19 и 17 долей; и вѣсъ деньги г. Рейхеля 24 доли. Средній вѣсъ ихъ равняется $20^2/_5$ долямъ: слѣдовательно въ золотникѣ такихъ денегъ могло быть $4^{12}/_{17}$; а въ гривенкѣ или полфунтѣ $225^{15}/_{17}$.

Монетъ великаго князя Василія Димитріевича (1389-1425) описано: 1) у г. Черткова девять: въ 16, 15 и 14 гранъ (22, 20 и 19 долей); 2) у барона Шодуара одиннадцать: въ 22, 21, 19 и 13 долей; и 3) у г. Рейхеля двѣнадцать: въ 21, 20, 19, 18, 17 и 15 долей. Слѣдовательно

---

(47) См. Опис. Др. Рус. Мон.

(48) См. Aperçu sur les mon. russes, etc.

(49) См. Mém. de la Soc. d'arch. et de numismatique, T. I.

(50) Граны мы переложили на доли по отношенію 70 къ 96. См. Krug, zur Münzkunde Russlands. Дроби, какъ не мѣшающія вѣрности вычисленій, мы отбросили, тѣмъ болѣе, что вѣсъ гранами также означенъ цѣлыми только числами.

средній вѣсъ ихъ равняется $18^{1}/_{8}$ долямъ. Выводъ нашъ весьма близокъ къ заключенію г. Черткова, который говоритъ (стр. 4): «Въ числѣ слишкомъ 50 экземпляровъ «денегъ Великаго Князя Василія Димитріевича, находя- «щихся въ нашемъ собраніи, нѣтъ ни одного менѣе 14 «гранъ аптекарскаго вѣса (19 долей), многіе въ 15 и 16 «гранъ (20 и 22 доли). Посему, можно принять за общій «вѣсъ его денегъ: не менѣе 14 гранъ (19 долей).» Такихъ 18-дольныхъ денегъ въ золотникѣ было $5^{43}/_{145}$; и слѣдовательно въ гривенкѣ $254^{34}/_{145}$.

Деньги слѣдующаго за тѣмъ княженія—Василія Васильевича Темнаго (1425-1462 г.), представляются столь разновѣсными и вообще уменьшенными въ своемъ вѣсѣ, что прежде нежели дѣлать какія либо вычисленія этого вѣса, считаемъ необходимымъ вникнуть въ вѣроятную, по крайней мѣрѣ, причину этого уменьшенія и слѣдовательно опредѣлить, слѣдуетъ ли принимать въ основаніе вычисленій всѣ монеты этого княженія, и если не всѣ, то какія именно должны подлежать исключенію? Въ отношеніи объясненія причины упадка вѣса денегъ этого княженія находимъ слѣдующее замѣчательное мѣсто у г. Черткова (стр. 12). «Полныя деньги (Василія Васильевича Темнаго) «вѣсятъ 11 и 12 гранъ (15 и 17 долей); пострадавшія «отъ времени и видимо обрѣзанныя 10, 9, 8, 7 и даже «6 гр. (14, 12, 11, 10 и 9 долей). Изъ 800 монетъ, у насъ «находящихся, нѣтъ ни одной болѣе 12 гранъ (17 долей); «а что всѣ онѣ точно деньги Великаго Князя Василія Тем- «наго, доказывается тѣми изъ нихъ, на которыхъ ясно «читаемъ: *Великій Князь Василей Васильевичь*, и даже «титулъ его: *всея Руси* или *Осподарь всея Руския земли*.— «Имѣемъ причину полагать, что полновѣсныя дѣланы «въ первые годы его правленія: вѣсъ ихъ близокъ къ «вѣсу монетъ его отца (Великаго Князя Василія Димитріе- «вича), и неимовѣрно, чтобы Правительство Московское

«отъ 14 гранъ (19-ти долей), понизило до 6 гранъ (9 до-
«лей) безъ какого нибудь переворота въ великомъ Кня-
«жествѣ; а какъ ничего подобнаго изъ лѣтописей не зна-
«емъ, то вѣроятно, пониженіе въ вѣсѣ (и часто въ до-
«бротѣ серебра) дѣлалось постепенно, годъ отъ году, и
«въ концѣ правленія Василія дошло до половины цѣн-
«ности первыхъ его монетъ. Разумѣется, положительно
«сего доказать нельзя, ибо на деньгахъ нѣтъ годовъ и
«лѣтоозначеніе начинается уже при царяхъ; но, прини-
«мая въ соображеніе, что Правительство при Великихъ
«Князьяхъ монетнаго двора не имѣло и деньги дѣлали
«*денежники* (серебряныхъ дѣлъ мастера), то и надлежа-
«щій надзоръ за симъ производствомъ былъ не возмо-
«женъ. Мысль, по крайней мѣрѣ, правдоподобная. И са-
«мо Правительство, по финансовымъ понятіямъ того вре-
«мени, быть можетъ, извлекало изъ сего свою пользу, а
потому, такъ сказать, смотрѣло сквозь пальцы. Приба-
«вимъ частыя жалобы лѣтописцевъ на недовѣсъ монеты,
«смертныя казни поддѣлывателямъ (ими же приводимыя),
«тогдашнія смуты Московскаго Великаго Княжества, плѣнъ
«Василія Темнаго у татаръ, и проч. все сіе благопріят-
«ствовало денежникамъ уменьшать достоинство монетъ.
«Титулъ *Осподарь* началъ Великій Князь Василій Василье-
«вичъ употреблять на прежде 1451 года, т. е. по совер-
«шенномъ разбитіи Шемяки и присоединеніи его области
«Галицкой къ Москвѣ; до того времени не видимъ сего
«ни въ Грамматахъ его предшественниковъ, ни въ его
«собственныхъ: слѣдовательно монеты съ симъ титуломъ
«не старѣе 1451 года. Онѣ-то доказываютъ вѣроятность
«нашего мнѣнія, что въ первые годы Василія Темнаго
«деньги были полновѣснѣе, а потомъ умалились: изъ всѣхъ
«съ титуломъ *Осподарь* ни одна болѣе 8-ми гранъ (11-ть
долей).

Это мнѣніе о причинѣ упадка вѣса денегъ при Васи-

ліи Темномъ тѣмъ болѣе кажется основательнымъ, что въ слѣдующее за тѣмъ княжескіе (В. К. Іоанна III) видимъ опять увеличеніе вѣса денегъ, доказующее, что правительство нашло уменьшенный вѣсъ ихъ неудобнымъ или незаконнымъ. «Можно полагать, говорить г. Чертковъ, (стр. 42), что сей Государь (Іоаннъ III), обратя вниманіе на упадокъ монеты Великаго Княжества, впослѣдствіи установилъ (прежній) 12-ти гранный (17-дольный) вѣсъ и наблюдалъ строго, чтобы пониженія не было».

Но чтобъ опредѣлить положительно, какія изъ разновѣсныхъ денегъ Василія Темнаго должны быть считаемы законнаго вѣса, и какія фальшивыми, необходимо имѣть свидѣтельство тогдашняго законодательства о вѣсѣ денегъ, который опредѣленъ былъ правительствомъ; а такого свидѣтельства мы не имѣемъ. На основаніи однакожъ позднѣйшаго положительнаго извѣстія о законномъ вѣсѣ денегъ, мы можемъ вывести заключеніе о томъ, какой вѣсъ денегъ могъ быть законнымъ и при Василіи Васильевичѣ. Именно, въ лѣтописяхъ подъ 1536 годомъ читаемъ [51]: «Государь Князь Великій Иванъ Васильевичъ всея Русіи вь третье лѣто государства своего (1536 г.) повелѣлъ дѣлати деньги серебряныя новыя, на свое имя, безо всякаго примѣса: изъ гривенки, изъ скаловыя [52] триста денегъ новогородскихъ, а въ московское дѣло три рубли московская ровно. А по указу отца его, Великаго Князя Василія Ивановича всея Русіи, изъ тояже гривенки дѣлали полтретьяста денегъ новогородскихъ и десять, а въ московское число полтретья рубля съ гривной..... Они же (портившіе монету) въ толико безуміе при-

---

(51) Софійск. Врем. ч. II. стр. 387.

(52) Скалвы, вѣсы. См. Словарь Церковно-Славян. и Русск. языка, 1847. Отсюда скаловый, опредѣленный на вѣсахъ, взвѣшенный.

шедше, яко половину у всякія деньги отрѣзати и туже гривенку доспѣти въ пятьсотъ денегъ и больши».

Сличая это извѣстіе съ имѣющимися деньгами, открываемъ:

а) 260 новгородокъ и 260 московокъ ($2^1/_2$ рубля съ гривною) вѣсили полфунта. Въ полфунтѣ 48 золотниковъ, въ золотникѣ 96 долей; слѣдовательно въ полфунтѣ 4608 долей: раздѣливъ это число на 260, получимъ (для каждой деньги) 17 долей съ дробью,—вѣсъ дѣйствительно находящійся *въ добрыхъ* московкахъ великаго князя Василія Темнаго (53); 17-дольныхъ денегъ Іоанна Васильевича III (54) и Василія Іоанновича (55); въ старыхъ новгородкахъ, т. е. сдѣланныхъ до присоединенія Новгорода къ Москвѣ, также болѣе нежели 17 долей (56).

б) Корыстолюбіе уменьшило вѣсъ денегъ до такой степени, что въ полфунтѣ ихъ было 500, и даже болѣе. Раздѣливъ 4608 долей (составляющіе полфунта) на 500, получимъ 9 долей съ дробью,—вѣсъ уменьшенныхъ денегъ Василія Темнаго и сына его Іоанна (57).

в) Великій Князь Іоаннъ Васильевичъ IV (Правительница Елена) повелѣла дѣлать изъ полфунта 300 новгородокъ, или три рубля: раздѣливъ 4608 долей на 300, получимъ 15 долей съ дробью, — вѣсъ дѣйствительно принадлежащій деньгамъ Іоанна Грознаго, дѣланнымъ послѣ сказаннаго указа (58), даже и тѣмъ, гдѣ онъ именуется царь, и слѣдовательно доказывающимъ, что монетная

(53) См. «Опис. Др. Русск. Монетъ» Черткова, №№ 15, 18, 20, 23, 28, 30 и другіе. — В. Chaudoir № 36.

(54) Ibid. №№ 96, 97, 98, 99, и прочіе. — В. Chaud. №№ 169, 173, 183.

(55) Ibidem.—Bar. Chaud. № 222.

(56) Ibid. №№ 286, 287, 288, 289 и проч.

(57) Ibid. №№ 21, 62, 65, 67, 69, 74, 87, 90, 92, 94.

(58) Ibid. № 120.

система Елены оставалась неизмѣнно и во все его царствованіе.

И такъ, если при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ, законный вѣсъ денегъ составлялъ 17 долей, и если этотъ же вѣсъ есть принадлежность полновѣсныхъ денегъ Іоанна III и Василія Темнаго, то мы вправѣ заключить, что размѣръ 260 денегъ въ полфунтѣ долженъ быть принимаемъ за нормальный и при Василіи Темномъ и Іоаннѣ III, и что всѣ деньги менѣе 17-дольнаго вѣса суть испорченныя временемъ или корыстолюбіемъ денежниковъ.

Послѣ этого, выводъ *средняго* вѣса денегъ Василія Темнаго и Іоанна III дѣлается излишнимъ; но какъ множество маловѣсныхъ денегъ, ходившихъ, въ особенности при Василіи Темномъ, и которыхъ, какъ говоритъ приведенное мѣсто лѣтописи, входило въ рубль даже 500, не могли не имѣть вліянія на цѣны вещей, то при изысканіяхъ въ своемъ мѣстѣ объ этомъ предметѣ, это обстоятельство не должно быть оставлено безъ вниманія.

Сообразно съ сказаннымъ вѣсомъ денегъ: Василія Темнаго, Іоанна III и Василія Іоанновича ($17^{47}/_{65}$ долей), въ золотникѣ таковыхъ денегъ было $5^{5}/_{12}$. Денегъ же Іоанна Грознаго, вѣсившихъ $15^{9}/_{25}$ долей, $6^{1}/_{4}$.

Здѣсь слѣдуетъ коснуться изображеній, бывшихъ на деньгахъ. Выше мы упомянули, что разнообразіе изображеній на деньгахъ изчезло при Іоаннѣ III, когда установленъ былъ одинаковый штемпель для денегъ: всадникъ съ саблею надъ головою. Въ лѣтописяхъ, подъ 1536 годомъ, читаемъ: «А при Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ бысть знамя на деньгахъ: Князь Великій на конѣ, а имѣя мечь въ руцѣ; а Князь Великій Иванъ Васильевичъ учини знамя на деньгахъ: Князь Великій на конѣ, а имѣя копье въ руцѣ; и оттолѣ прозвася деньги копѣйныя». (59)

---

(59) Соф. Врем. Часть II. стр. 387.

Другими словами: хотя названіе *копьекъ* въ офиціальныхъ актахъ разсматриваемаго нами времени не встрѣчается; но, по всей вѣроятности, существовавъ уже въ устахъ народа, оно послужило началомъ новаго вида монеты впослѣдствіи, именно при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, когда появились нѣсколько новыхъ монетныхъ единицъ; тогда какъ до его царствованія, ничто не свидѣтельствуетъ о какихъ нибудь измѣненіяхъ въ изъясненной нами денежной системѣ. А потому обращаемся къ изслѣдованію другихъ видовъ монетъ до царя Алексія Михайловича.

Существовала-ли особенная серебряная монета, *полденьга*, и, въ случаѣ отвѣта положительнаго, когда получила она свое начало? Что серебряная *полденьга* или *полушка*, т. е. монета, составлявшая половинную часть вѣса денегъ *мечевыхъ* или денегъ 200-денежнаго рубля, существовала, объ этомъ имѣемъ положительныя свидѣтельства современныя. Такъ, Гаклюйтъ (60), подъ 1553 годомъ, говоритъ, что двѣ *полденьги* составляли одну *деньгу;* двѣ *деньги* одну *копьйку*. Маржеретъ, современникъ Лжедимитрія, при исчисленіи россійской ходячей монеты того времени, называетъ серебряныя *полушки*, и опредѣляетъ ихъ достоинство въ 4 денарія; онѣ составляли, по его свидѣтельству, половинную часть *московокъ*, и четвертую часть *денегъ* или *копьекъ* (61). Составленная между 1575 и 1610 г. Торговая Книга, при исчисленіи тогдашнихъ видовъ и размѣра монетъ, называетъ *полуденьгу*, составлявшую половинную часть *деньги* и четвертую часть *новгородки* (62). Кошихинъ, при исчисленіи видовъ серебряной монеты,

---

(60) Hakluyt, p. 384.

(61) См. Сказ. Соврем. о Димитріи Самозванцѣ, стр. 50.

(62) См. Зап. Отдѣл. Русск. и Славян. Археол. Имп. Рус. Археол. Общ. Т. I. Отд. III, стр. 108 и слѣд.

называетъ *полушки*, составлявшія «четвертую долю копѣекъ, денегъ половину» ([63]). О существованіи этой монеты свидѣтельствуетъ также встрѣчаемый вездѣ въ актахъ XVI и XVII столѣтій счетъ полденьгами. Такъ, въ платежныхъ записяхъ 1579—1648 год. читаемъ: *два алтына полтретьи* (двѣ съ половиною) *деньги; алтынъ полпяты* (четыре съ половиною) *деньги*; *полторы деньги, семь алтынъ съ полденьгою*, и проч. ([64]) Но когда появилась подобная монета и когда изчезла изъ обращенія, никакихъ положительныхъ свидѣтельствъ мы не имѣемъ. Г. Чертковъ полагаетъ, что она получила свое начало при Іоаннѣ Грозномъ ([65]). Но мы думаемъ, что начало ея едвали не слѣдуетъ отнести еще къ концу XV столѣтія; потому что еще подъ 1493 годомъ мы читаемъ: «да два калачя полуденежные». ([66]) Съ другой стороны, вышеприведенныя свидѣтельства ясно показываютъ не только то, что полуденьга существовала, но и то, что она составляла половинную часть деньги *мечевой* или деньги 200-денежнаго рубля, а не новгородки или деньги *копѣйной* ([67]).

Количество имѣющихся доселѣ мѣдныхъ монетъ называемыхъ *пулами*, въ сравненіи съ числомъ дошедшихъ до насъ серебрянныхъ *денегъ* весьма незначительно. Причину этого должно полагать главнѣйше въ томъ, что при большой уже дробности самой серебряной монеты, *деньги*, и при существованіи, кромѣ того, *полденьги*, — мѣдная

([63]) О Россіи въ царств. Алексія Михаил. Гл. VII. стр. 77.
([64]) Акт. Юрид. № 210 и слѣд.
([65]) Опис. Древн. Рус. Мон. стр. 58.
([66]) Карамз. VI. примѣч. 362.
([67]) Вотъ почему монеты вѣсомъ въ 5 гранъ (7 долей), которыя г. Чертковъ (Опис. Древ. Русск. Мон. стр. 60) принимаетъ за полденьги, должны быть отнесены къ неполновѣснымъ деньгамъ мечевымъ: вѣсъ полденегъ никакъ не могъ превышать 4 и $4^{1}/_{2}$ долей.

монета не могла быть предметомъ всеобщей необходимости для потребности размѣна. Такъ, Гваньини именно говоритъ: «Est quoque in Moschovia cuprea, sive aerea moneta, quae propter pauperes tantum cuditur, et Pula vulgo vocatur, (68) (въ Московіи есть также мѣдная монета, которая дѣлается только для бѣдныхъ и называется пуломъ); а Гассе говоритъ еще подробнѣе: there is a coin of copper, which serveth for the relief of the poore in Mosco, and no where els, and that is but onely for quas water, and fruite, as nuts, apples and such other like. The name of which money is colled Pole or Poles (есть мѣдная монета, которая служитъ для облегченія бѣдныхъ въ Москвѣ, и нигдѣ болѣе, и служитъ только для покупки кваса, воды и плодовъ, какъ напримѣръ: орѣховъ, яблоковъ и подобн. Такая монета называется пулъ) (69).

Мысль о гораздо меньшемъ значеніи, какое имѣла, въ разсматриваемый періодъ, мѣдная монета, подтверждается также тѣмъ, что всѣ имѣющіеся доселѣ пулы лишены татарскихъ надписей, тогда какъ большая часть серебряныхъ денегъ XV вѣка снабжены вмѣстѣ съ русскою подписью, и татарскою: обстоятельство, по мнѣнію знатоковъ русской нумизматики, свидѣтельствующее о томъ, что наша серебряная монета имѣла ходъ въ Ордѣ и, какъ мы сказали выше, служила для уплаты дани татарамъ, тогда какъ назначеніе мѣдной монеты было — исключительное обращеніе ея внутри государства; слѣдовательно для потребностей самаго мелкаго расчета. Здѣсь же, быть можетъ, кроется причина болѣе поздняго, сравнительно съ серебряною монетою, появленія пулъ въ народномъ обращеніи. Такъ, древнѣйшія изъ имѣющихся доселѣ

---

(68) Rer. Moscov. Auctor. Varii, p. 158.

(69) Hasse. The coins въ Hackluyt's Navigation, London, 1589 p. 293.

пулъ, относятся къ 1399 — 1412 году: потому что хотя три пула приписаны г. Чертковымъ времени великаго князя московскаго Іоанна Іоанновича (1353 — 1359); но, по убѣжденію другихъ любителей отечественной нумизматики, основанному на свидѣтельствѣ исторіи о времени и мѣстѣ выдѣлки мѣдной монеты, эти пулы должны быть отнесены ко времени гораздо позднѣйшему, именно къ княженію тверскаго великаго князя того же имени (1490) (70).

Вопросъ о томъ, какой былъ законный вѣсъ пулъ, при недостаткѣ письменныхъ свидѣтельствъ, встрѣчаетъ, даже при выводѣ средняго вѣса, гораздо более затрудненій, нежели рѣшеніе вопроса о надлежащемъ вѣсѣ первыхъ серебряныхъ денегъ; ибо кромѣ незначительности дошедшаго до насъ количества пулъ, всѣ они представляютъ такую разницу въ вѣсѣ, что трудно, не боясь впасть въ ошибку, рѣшить, какой именно размѣръ былъ принятъ при ихъ выдѣлкѣ. Такъ, начиная съ 9-дольныхъ пулъ, мы имѣемъ пулы въ 10, 11, 12, 17, 18, 19, 20, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 43, 44, 45, 47, 51, 52, 55, 67 и въ 79 долей (71). Ясно, что при такой огромной разности вѣса всѣхъ этихъ пулъ и совершенномъ невѣденіи нормы отношенія мѣдной монеты къ серебряной, выводъ даже средняго вѣса ихъ будетъ безполезенъ. Эта разность вѣса пулъ не дозволяетъ предполагать, чтобъ она происходила исключительно отъ злоупотребленій денежниковъ, и она-то была вѣроятной причиною того, почему дошедшія до насъ свидѣтельства иноземцевъ такъ разнорѣчатъ въ показаніяхъ отношенія пулъ къ серебрянымъ деньгамъ; потому что тогда какъ Гер-

---

(70) Mém. de la Société d'archéol. &. T. I. p. 292 и слѣд.
(71) Описан. Древн. Русск. Мон. А. Черткова.

берштейнъ говоритъ, что пулъ было въ одной деньгѣ 60; Гваньини, писавшій не болѣе 50 лѣтъ спустя, даетъ одной деньгѣ стоимость 40 пулъ.

VI.

Размѣръ денежнаго рубля; — постепенное его уменьшеніе; — разъясненіе свидѣтельства Герберштейна о размѣрѣ рубля. — Свидѣтельство Гваньини. — Какъ слѣдуетъ понимать различныя свидѣтельства о двойномъ вѣсѣ новгородскихъ денегъ въ сравненіи съ московскими. — Значеніе гривны; какой размѣръ рубля принимался за нормальный; объясненіе относящихся сюда различныхъ выраженій въ актахъ. — Размѣръ алтына и полтины.

Изъ счетныхъ монетъ ближайшая по размѣру къ деньгѣ, есть *алтынъ;* но для того, чтобъ вывести заключеніе о величинѣ алтына, необходимо обратиться предварительно къ изслѣдованію величины главной счетной монеты этого времени, рубля.

Выше мы показали, что размѣръ первоначальнаго, литаго серебрянаго рубля, былъ основанъ на гривенкѣ, т. е. полфунтѣ: слитокъ гривенки, раздѣленный на двое, составлялъ два рубля т. е. каждый рубль въ 24 золотника. Когда впослѣдствіи, при Димитріи Донскомъ, введена была монета въ собственномъ смыслѣ, деньга, и литые рубли начали быть ею замѣняемы, то размѣръ ея, какъ показываетъ найденный нами средній вѣсъ, былъ таковъ,

что въ гривенкѣ или полфунтѣ было 225 денегъ. Въ слѣдующее за тѣмъ княженіе Василія Димитріевича, размѣръ денегъ уменьшился на столько, что изъ той же гривенки выдѣлывалось среднимъ размѣромъ 254 деньги. Законный размѣръ денегъ Василія Темнаго, Іоанна III и Василія Іоанновича, какъ мы видѣли, былъ таковъ, что въ гривенкѣ ихъ было 260 или $2^1/_2$ рубля съ гривною; а Правительница Елена установила изъ той же гривенки дѣлать 300 денегъ или три рубля. Изъ этого необходимо заключить, что съ уменьшеніемъ размѣра денегъ, размѣръ рублей также уменьшался; потому что въ одномъ и томъ же количествѣ серебра считалось ихъ болѣе. При чемъ, мы видимъ, что цыфра *сто* была принята въ основаніе размѣра *денежнаго* рубля; ибо по указу Правительницы Елены ровно сто денегъ составляютъ рубль; въ рубль Василія Темнаго, Іоанна III и Василія Іоанновича, также, по положительному извѣстію лѣтописи, входило сто денегъ; за тѣмъ цифра денегъ, входившихъ въ гривенку при Василіи Димитріевичѣ (254), такъ близкая къ цифрѣ денегъ въ гривенкѣ при послѣдующихъ Великихъ Князьяхъ (260), даетъ основаніе полагать, что и при Василіи Димитріевичѣ считалось въ гривенкѣ не болѣе $2^1/_2$ рублей; а близкая, въ свою очередь, къ 254, цифра денегъ, бывшихъ въ гривенкѣ при Димитріи Донскомъ (225), заставляетъ полагать не болѣе $2^1/_4$ рублей въ гривенкѣ при Димитріи Донскомъ.

Этотъ выводъ основанный, въ отношеніи къ большей части изслѣдованнаго нами времени, на положительныхъ свидѣтельствахъ лѣтописей и нумизматики; а въ отношеніи къ другой части разсматриваемой эпохи, — на точныхъ выводахъ средняго вѣса монетъ и строгой аналогіи, не можетъ, смѣемъ думать, навлечь на себя обвиненіе въ произвольности. Есть однакожъ столь же положительное свидѣтельство, какъ бы противорѣчащее и приведеннымъ

нами утвержденіямъ лѣтописей и нумизматики, и сдѣланнымъ нами выводамъ. Этого свидѣтельства мы не въ правѣ оставить безъ вниманія не только потому, что обязаны защищать собственные выводы, но еще болѣе потому, что оно служило основаніемъ запутанности понятія о величинѣ рубля разсматриваемаго времени и неточности понятія о размѣрѣ денегъ московскихъ сравнительно съ деньгами новгородскими. Свидѣтельство, о которомъ идетъ рѣчь, находится у Герберштейна. На страницѣ 41 онъ именно говоритъ ([72]): («Москвитяне) имѣютъ монету четвероякую: московскую, новгородскую, тверскую и псковскую. Московская монета... называется *деньгою*... Ихъ именно сто составляютъ одинъ венгерскій золотой; алтынъ составляютъ шесть денегъ, гривну — двадцать (денегъ), полтину — сто (денегъ); рубль — двѣсти (денегъ)... Новгородская монета превосходитъ цѣною московскую вдвое.»

Эти слова противорѣчатъ приведенному выше мѣсту лѣтописи, удостовѣряющему, что въ полфунтѣ было 300 новгородскихъ денегъ новою монетою, или три рубля; а полновѣсныхъ, законнаго вѣса, старыхъ новгородскихъ и московскихъ денегъ (старыхъ новгородокъ и добрыхъ московокъ) $2\frac{1}{2}$ рубля и 1 гривна; слѣдовательно въ рублѣ только 100 тѣхъ и другихъ. Но если мы вникнемъ, какія деньги понималъ Герберштейнъ при исчисленіи ихъ въ рубль, то откроемъ, что онъ имѣлъ въ виду не тѣ деньги, которыхъ вѣсъ опредѣленъ былъ закономъ, но

([72]) Monetam argenteam quadruplicem habent: Moscoviticam, Novogardensem, Tverensem et Plescoviensem. Moscoviticus numus Denga dictus... Illorum porro centum unum Hungaricalem aureum; Altinum sex Dengae, Grifnam viginti; Poltinam centum, Rublum ducentae faciunt... Novogardensis... Moscoviticum valore in duplo superat. (Rer. Moscov. Auctores varii, Francofurti, 1600.)

именно тѣ, вѣсъ которыхъ, въ слѣдствіе злоупотребленій денежниковъ, былъ уменьшенъ, согласно съ свидѣтельствомъ же лѣтописей, на половину, и которыя были причиною изданія новаго постановленія о вѣсѣ денегъ Правительницею Еленою. Денежники, какъ свидѣтельствуютъ лѣтописи, до того уменьшили вѣсъ денегъ, что изъ полфунта выдѣлывали ихъ даже 500 и болѣе, т. е. на половину числомъ выдѣлывали больше противъ законнаго количества, и слѣдовательно размѣромъ эти деньги на столько же были меньше. Другими словами, вмѣсто денегъ 17-дольныхъ, выдѣлывались 9-дольныя. Этихъ-то послѣднихъ денегъ, если раздѣлимъ 500 на $2^1/_2$ (на количество рублей, въ полфунтѣ, до распоряженія 1536 года), найдемъ дѣйствительно въ рублѣ 200; и ихъ-то разумѣлъ Герберштейнъ. Онъ даже описываетъ (какъ бы въ подтвержденіе сказаннаго) двѣ такія деньги: одну съ розою на одной сторонѣ, и всадникомъ на другой, другую съ надписями на обѣихъ, — деньги имѣющіяся въ собраніи г. Черткова, и вѣсящія именно 9 долей (№ № 88, 92). И очевидно, чѣмъ Герберштейнъ введенъ былъ въ заблужденіе (если это заблужденіе): 17-дольныя — новгородка и добрая московка равно назывались деньга; а на 8 — 9-дольныхъ монетахъ Василія Темнаго и сына его читаемъ также: *деньга московская* [73]. Напротивъ того, свидѣтельство Гваньини, писавшаго послѣ распоряженія 1536 года, подтверждаетъ упомянутое сказаніе лѣтописей о размѣрѣ ста денегъ въ рублѣ: Rubl autem Dengas Moscoviticas 100 habet, говоритъ онъ (рубль же московскихъ денегъ имѣетъ *сто*) [74].

---

(73) Опис. Древ. Рус. Мон. А. Черткова, стр. 58.
(74) Rer. Moscov. Auct. Varii, p. 158.

Точно также слѣдуетъ понимать свидѣтельства какъ Герберштейна, такъ и лѣтописей и актовъ, о двойномъ вѣсѣ новгородскихъ денегъ въ сравненіи съ московскими: вѣсъ *старыхъ* новгородокъ (т. е. дѣланныхъ до присоединенія Новгорода къ Москвѣ), какъ показываютъ имѣющіеся экземпляры монетъ ([75]), былъ одинаковъ съ вѣсомъ *добрыхъ*, т. е. законнаго вѣса, московокъ: тѣ и другія были 17-дольныя. Но когда Новгородъ присоединенъ былъ къ Москвѣ (въ 1478 году), то Московское Княжество наводненно уже было деньгами половиннаго, противъ установленнаго, вѣса и новгородская монета, не имѣвшая подобнаго уменьшенія, естественно, должна была при производствѣ торговыхъ сдѣлокъ, обозначаться. Это различіе между деньгами московскими и новгородскими, какъ показываютъ письменные акты, было дѣлаемо уже послѣ 1448 года ([76]); слѣдовательно со времени Василія Темнаго когда такъ унизились деньги московскія. Притомъ, данный московскими денежниками рублю размѣръ въ 200 денегъ, былъ именно понимаемъ, съ сказаннаго времени, даже до половины XVII столѣтія ([77]), какъ нормальный при обозначеніи цѣнности московскихъ денегъ въ сравненіи съ новгородскими. Но чтобъ убѣдиться въ этомъ, необходимо предварительно объяснить значеніе гривны разсматриваемаго времени.

Очевидно, что объясненіе гривны какъ монеты счета, можетъ быть вполнѣ удовлетворительнымъ въ томъ только случаѣ, если оно будетъ основано на точномъ указаніи какого нибудь современнаго памят-

---

([75]) Опис. Древн. Рус. Мон. Черткова, стр. 143.

([76]) Акт. Юрид. № 73: «а далъ есмь полтора рубля новгородкіе.»

([77]) Акт. Юридич. № 196 (Порядныя 1630 и 1634 г.): «взяти.... тридцать рублевъ московская; взяти..., денегъ по тридцати рублевъ московскую».

ника, объ отношеніи ея къ другимъ монетнымъ единицамъ. Къ счастію, мы имѣемъ такія указанія: такъ напримѣръ, въ двинской таможенной грамотѣ 1588 года мы читаемъ (78): «и сколько въ которомъ насадѣ или дощаникѣ какого товару будетъ, имати грузовые пошлины съ тысячи пудъ по два рубля и по двѣ гривны, а со ста пудъ по семи алтынъ и по двѣ деньги».

Взаимное отношеніе упоминаемыхъ здѣсь монетныхъ единицъ опредѣлится тогда, когда мы узнаемъ отношеніе пошлины, назначенной со ста пудъ, къ пошлинѣ съ тысячи пудъ, т. е. если 7 алтынъ и 2 деньги, будучи увеличены въ 10 разъ, дадутъ именно 2 рубля 2 гривны. Но для сего, прежде надобно узнать отношеніе деньги къ алтыну, и затѣмъ, отношеніе деньги къ рублю. Другими словами: надобно сыскать такія двѣ цифры, которыя, служа множителемъ и дѣлителемъ, въ произведеніи и частномъ, дали бы именно сказанное въ грамотѣ количество рублей и гривенъ. — Испытывая для сей цѣли различныя цифры, мы находимъ, что число 6 есть должный множитель для выраженія отношенія деньги къ алтыну, и цифра 200 — тотъ дѣлитель, который выражаетъ отношеніе деньги къ рублю; ибо 7 алтынъ, положенные грамотою со ста пудъ, помножа на 6, т. е. на отношеніе деньги къ алтыну, получимъ 42 деньги; приложа къ нимъ еще двѣ деньги, назначенныя въ грамотѣ, будетъ 44 деньги; а 44 деньги помножа на 10, т. е. на отношеніе ста пудъ къ тысячѣ пудъ, получимъ 440 денегъ; раздѣливъ же 440 денегъ на 200, т. е. на отношеніе деньги къ рублю, въ частномъ числѣ получимъ 2 рубля 40 денегъ, изъ которыхъ

(78) Акт. Арх. Эксп. Т. I. № 338. Смотри также Акт. Юрид. № 169: «а давалъ оброку.... 9 алтынъ и 2 деньги; а нынѣчя наддали надъ старымъ оброкомъ 4 алтыны, и всего будетъ оброку и съ наддаткомъ 4 гривны». Слѣдов. 20 денегъ въ гривнѣ.

получится отношеніе деньги къ гривнѣ, если раздѣлимъ ихъ на 20, т. е. 2 гривны. Изъ семи алтынъ двухъ денегъ увеличенныхъ такимъ образомъ въ десять разъ, получается полное число: два рубля двѣ гривны; и слѣдовательно, по этому расчету, въ рублѣ будетъ: 200 денегъ; 10 гривенъ; въ гривнѣ 20 денегъ; въ алтынѣ 6 денегъ; въ гривнѣ три алтына и двѣ деньги; въ рублѣ тридцать четыре алтына безъ четырехъ денегъ, или 33 алтына и 2 деньги.

Въ этомъ мѣстѣ грамоты, такъ согласномъ съ показаніемъ Герберштейна, разумѣлись, слѣдовательно 8–и–9–дольныя деньги московскія, т. е. такія, которыхъ въ слѣдствіе произвола денежниковъ, входило въ полфунтъ 500 и болѣе, и заключавшихся въ рублѣ (которыхъ въ періодъ происхожденія такихъ денегъ было $2^1/_2$ съ гривною въ полфунтѣ), дѣйствительно 200. Вособенности это доказываетъ найденный нами размѣръ гривны, т. е. количество содержащихся въ ней денегъ: 100–денежный рубль, т. е. состоявшій изъ денегъ 17-дольныхъ, ни какъ не могъ имѣть 20 денегъ въ гривнѣ, но именно въ половину меньше, на основаніи выведеннаго же расчета. Въ рублѣ, нашли мы, десять гривенъ; слѣдовательно гривна 100–денежнаго рубля должна была содержать только 10 денегъ. Эта разница между 200–денежнымъ и 100–денежнымъ рублемъ обыкновенно, для большей точности, обозначалась такъ: «столько–то рублей московскими деньгами по пяти гривенъ за полтину» ([79]), т. е. считая *сто* 7 — 8–9–дольныхъ или мечевыхъ денегъ за полтину, а не *пятьдесятъ*, какъ бы слѣдовало при расчетѣ деньгами *копѣйными*, т. е. 100–денежнымъ рублемъ. Когда находимъ въ актахъ выраженія: *столько-то рублевъ москов-*

([79]) Акт. Юрид. №№ 13 и 101.

скимъ числомъ, столько-то рублевъ московскимъ счетомъ, столько-то рублей московскихъ денегъ ходячихъ, столько-то рублевъ московская, столько-то рублевъ московскимъ серебромъ ходячимъ, столько-то рублевъ московскими деньгами, — то слѣдуетъ всегда именно понимать деньги замѣненныя копѣйными, или *мечевыя,* т. е. которыхъ было 200 въ рублѣ. Мало того: даже всѣ вообще встрѣчающіеся въ актахъ этого времени счеты показываютъ, что всегда имѣлся въ виду 200-денежный рубль, не смотря на установленный правительствомъ размѣръ рубля во 100 денегъ ([80]).

Дальнѣйшее изложеніе покажетъ, почему 200-денежный

([80]) См. Акт. Юрид. № 169, оброчная 1551 года: «а давалъ оброку съ пашенки и съ поженекъ и съ озерокъ, по старому писму, 9 алтынъ и двѣ деньги, а нынѣчя наддали надъ старымъ оброкомъ четыре алтыны, и всего будетъ оброку и съ наддаткомъ 4 гривны». Слѣдовательно, 20 денегъ въ гривнѣ.—№ 209(V)платежная 1588 года: «Ямскихъ денегъ.... 8 рублевъ и 25 алтынъ, да полоняничныхъ денегъ 29 алтынъ съ деньгою, и обоего ямскихъ и полоняничныхъ денегъ 9 рублевъ и 20 алтынъ 5 денегъ». Слѣдовательно 16 алтынъ 4 деньги въ полтинѣ. № 209 (VIII) платежная 1603 года: «по окладу 8 рублевъ 17 алтынъ полчетверты деньги, да съ варницъ и съ сѣна оброку 2 рубля 17 алтынъ; и обоего данныхъ и оброчныхъ денегъ 11 рублевъ полосмы деньги». Слѣдовательно опять счетъ 200 денежнаго рубля; также и въ другихъ мѣстахъ. — Что 200-денежный рубль былъ общеупотребительнымъ счетомъ, видно также изъ встрѣчающаго размѣра алтына въ 6 денегъ, каковый размѣръ, какъ увидимъ ниже, не могъ принадлежать 100-денежному рублю. Такъ, въ указѣ 1626 г. *о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу* (См. Врем. Имп. Москов. Об. Ист. и Древн. Рос. 1849. № 4) говорится: «положено харчю на ситные хлѣбы: на четверть провозу изряду до двора въ рядъ 6 денегъ, подквасья 2 деньги; соли на 5 денегъ, дровъ на 6 денегъ, на свѣчи и на помело деньга, мукосѣю, и на тягло, и на промыслъ 9 денегъ, выдачи на лавку 10 денегъ, всего 6 алтынъ 3 деньги.» — Слѣдовательно разумѣется 6-денежный размѣръ алтына, т. е. принадлежащій 200-денежному рублю.

рубль остался, не смотря на распоряженіе 1536 года, желавшее его уничтоженія. Онъ, такъ сказать, пересилилъ 100-денежный рубль; но существованіе послѣдняго произвело то, что въ счетахъ необходимо было опредѣлять, какія деньги разумѣлись, т. е. тѣ ли полновѣсныя деньги, которыхъ вѣсъ никогда не уменьшался въ Новгородѣ, и потому получившія названіе *новгородокъ*, или уменьшенныя въ Москвѣ на половину, и потому названныя *московками*. Это существованіе 200-денежнаго рубля одновременно со 100-денежнымъ, именно было причиною какъ обозначенія: *московскими деньгами*, или *столько-то рублей новогородскихъ, а въ московское число столько-то*, такъ и встрѣчающагося при счетахъ поясненія: столько-то денегъ *по стольку-то гривенъ съ рубля*, какъ на примѣръ въ грамотѣ 18 іюня 1654 ([81]) г. боярину князю Пронскому, гдѣ велѣно взимать на жалованье ратнымъ людямъ съ гостей, гостиной и суконной сотень и проч. *десятую деньгу, по гривнѣ съ рубля*. При поясненіи: *по гривнѣ съ рубля* все равно было, понималъ ли бы кто-нибудь копѣйныя деньги или мечевыя, т. е. 100-денежный или 200 денежный рубль: недоразумѣнія не могло быть рѣшительно никакого. И понятно, что это поясненіе сдѣлано именно потому, что существовалъ 200-денежный рубль и 100-денежный. Но что счетъ производился на 200-денежный рубль, видно изъ указа, послѣдовавшаго за сказанною грамотой не болѣе какъ чрезъ три недѣли, именно 7 іюля 1654 года, гдѣ говорится: «а давали имъ за муку, за четверть по 40 и по 45 алтынъ, и по полуторы рубля» ([82]). Слѣдовательно здѣсь очевидно разумѣется рубль въ 33 алтына 2 деньги, т. е. 200-денежный.

([81]) Полн. Собр. Зак. Т. I. № 129.
([82]) Полн. Собр. Зак. Т. I. № 132.

Возвращаемся къ разсмотрѣнію монетныхъ единицъ меньшаго разряда и во первыхъ, алтына, подавшаго поводъ къ разсмотрѣнію рубля. *Алтынъ*, отъ татарскаго слова *алты* — шесть, какъ мы видѣли, былъ въ разсматриваемое время умственною монетою, заключавшею въ себѣ 6 денегъ. Но этотъ расчетъ относился именно къ 200-денежному рублю; потому что естественно, что денегъ, входившихъ въ рубль, счетомъ, на половину меньше, и слѣдовательно бывшихъ на столько же бо̀льшаго размѣра, должно было входить въ алтынъ, для составленія того же количества серебра, на половину также меньше. Другими словами: копѣйныхъ денегъ должно было быть въ алтынѣ только три. О такомъ-то именно размѣрѣ говоритъ Гаклюйтъ подъ 1553 годомъ: ([83]) двѣ полденьги составляли одну деньгу; двѣ деньги (8—9 дольныя) одну копѣйку (15-дольную деньгу копѣйную) ([84]); три копѣйки (15-дольныя копѣйныя деньги) одинъ алтынъ; $3^1/_2$ алты-

([83]) Hacluyt, p. 384.

([84]) Здѣсь весьма важно сдѣлать замѣчаніе относительно слова *копѣйка*. Перемѣна Правительницею Еленою штемпеля на деньгахъ (всадникъ съ копьемъ) и полученное ими оттого прозваніе денегъ копѣйныхъ, вмѣстѣ съ установленнымъ тѣмъ же указомъ 15-дольнымъ вѣсомъ этихъ денегъ (слѣдовательно вдвое большимъ противъ даннаго вѣса денежниками) заставила нѣкоторыхъ изслѣдователей (какъ наприм. барона Шодуара) думать, что съ помянутымъ указомъ получила начало новая монета *копѣйка*, превышавшая вдвое деньгу. Но слова: *копѣйка*, мы не встрѣчаемъ до 1654 года, когда изданъ былъ указъ о новыхъ видахъ монетъ. До тѣхъ же поръ всѣ счеты производятся только на *деньги*. Слѣдовательно, различіе, которое дѣлается тѣми изслѣдователями между *деньгами* и *копѣйками*, слѣдуетъ, до 1654 года, понимать въ отношеніи *денегъ копѣйныхъ*, т. е. копѣйнаго клейма, и тѣхъ *денегъ*, которыя признаны были указомъ Правительницы Елены уменьшенными денежниками противъ законнаго вѣса на половину, и имѣвшихъ на себѣ изображеніе всадника съ *мечемъ*, или *мечевыхъ*.

на или 10 копѣекъ (15-дольныхъ денегъ копѣйныхъ) одну гривну; и 10 гривенъ одинъ рубль.

Въ точно такомъ же смыслѣ былъ двойной размѣръ гривны: копѣйныхъ денегъ сто-денежнаго рубля было въ ней 10; мечевыхъ денегъ 200-денежнаго рубля она заключала въ себѣ, какъ мы видѣли, 20.

Количество денегъ въ полтинѣ, оставшейся половинною частію рубля, соотвѣтствовало также, слѣдственно, тому, какой былъ рубль: 100-денежный, или 200-денежный.

Изъ выше изложеннаго явствуетъ, что различіе рубля такъ называемаго московскаго отъ новгородскаго состояло только въ томъ, что первый заключалъ въ себѣ 200 денегъ на половину меньшаго размѣра противъ тѣхъ денегъ, которыхъ было въ рублѣ 100; но по количеству серебра, заключавшагося въ томъ и другомъ рублѣ, они были равны другъ другу. По крайней мѣрѣ ни одинъ актъ не свидѣтельствуетъ о томъ, чтобы по присоединеніи Новгорода къ Москвѣ, въ первомъ была выдѣлываема монета свыше 15-дольныхъ денегъ, установленныхъ Правительницею Еленою, и размѣръ которыхъ, если не принимать въ соображеніе нѣкоторыхъ уклоненій отъ опредѣленнаго вѣса въ слѣдствіе, быть может, недостака искуства монетнаго дѣла, не терпѣлъ во все царствованіе Іоанна Грознаго и даже до царствованія Василія Іоанновича Шуйскаго, большихъ измѣненій.

VII.

Учрежденіе новыхъ монетъ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ. — Подтвержденіе нашего предположенія о мечевыхъ деньгахъ; — свидѣтельство Мейерберга о времени учрежденія новыхъ видовъ монеты. — Серебряный ефимокъ рублевый. — О цѣнѣ талера или ефимка любскаго; — свидѣтельство Кедера. — Серебряный ефимокъ съ признаками; — относящееся сюда свидѣтельство Котошихина. — Цѣна ефимковъ съ признаками при пріемѣ ихъ въ казну и выдачѣ изъ нея. — Предположеніе о причинѣ происхожденія послѣднихъ двухъ монетъ. — Утвержденіе барона Шодуара относительно количества рублей въ фунтѣ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ не можетъ относиться къ сказаннымъ монетамъ 1654 и 1655 годовъ. — Серебряныя четвертины полуполтинныя. — Рублевый ефимокъ и ефимокъ съ признаками не были основною монетною единицею. — Полденьга. — Выпускъ мѣдной монеты наравнѣ съ серебряною; мѣдные полтинники. — Свидѣтельство Котошихина о послѣдовательномъ выпускѣ разныхъ видовъ мѣдной монеты и соображенія о причинахъ его: — мѣдные алтынники, грошевики и копѣйки. — Быстрая потеря цѣны мѣдною монетою; — уничтоженіе ея и возстановленіе обращенія прежней серебряной. — Новыя попытки правительства сравнять мѣдную монету съ серебряною. — Привлеченіе въ казну иностранной золотой и преимущественно серебряной монеты составляетъ главную заботу правительства въ продолженіе всего XVII столѣтія.

Дальнѣйшія распоряженія о монетной системѣ, встрѣчаемыя въ нашихъ памятникахъ, относятся къ царствованію Алексія Михайловича. Первая изъ мѣръ въ этомъ отношеніи, какъ видно изъ данной въ 1657 году грамоты въ Илимскій острогъ воеводѣ Бунакову (85), относится къ 1654 году. Въ грамотѣ этой именно читаемъ: «По Наше-

(85) Полн. Собр. Зак. Т. I. № 204.

му указу сдѣланы серебряные ефимки рублевые, да ефимкижъ съ признаками и четвертины полуполтинники и мѣдные полтинники, и алтынники, и грошевики, и мѣдныя копѣйки и деньги. На рублевикахъ подпись, Наше имя, а въ письмѣ человѣкъ на конѣ, а на другой сторонѣ орелъ двоеглавый въ клеймѣ, надъ главою надпись: лѣта 7162, а въ подножіи подпись *рубль*; да серебряные же ефимки, на нихъ начеканено копѣешнымъ чеканомъ да цифирными словами, цѣна имъ противъ Нашего указа по двадцати по одному алтыну по двѣ деньги ефимокъ, серебряныя же четвертины полуполтинныя, на нихъ человѣкъ на конѣ, по сторонамъ подпись *полполтины*, а на другой сторонѣ подпись, Наше имя, на мѣдныхъ полтинникахъ подпись, Наше имя, а въ письмѣ человѣкъ на конѣ, а на другой сторонѣ орелъ двоеглавый, въ клеймѣ на верху подпись: лѣта 7162, а въ подножіи подпись *полтинникъ*; на мѣдныхъ алтынникахъ и грошевикахъ человѣкъ на конѣ, да подпись *алтынникъ*; да на грошевикахъ же подъ конемъ подпись *четыре деньги*, а на другой сторонѣ Наше имя; на мѣдныхъ копѣйкахъ и деньгахъ признака тажъ, что и на серебряныхъ копѣйкахъ и на деньгахъ».

И такъ, изъ сказаннаго документа мы видимъ, что при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ: 1) появилась серебряная монета, подъ названіемъ *рубля* или *рублеваго ефимка;* 2) учреждены были *серебряные же ефимки съ признаками,* цѣною въ 21 алтынъ и 2 деньги; 3) учреждена также серебряная монета *полполтина* или *серебряная четвертина;* 4) учреждены мѣдныя монеты: *полтинникъ, алтынникъ, грошевикъ, копѣйка и деньга;* и 5) оставлены въ употребленіи существовавшія дотолѣ серебряныя монеты — *копѣйки* и *деньги.*

Намъ предстоитъ необходимость узнать размѣръ каждой изъ сказанныхъ монетъ.

Въ этомъ отношеніи, прежде всего, останавливаетъ на себѣ наше вниманіе упоминаніе въ актѣ о существовавшихъ дотолѣ двухъ видахъ мелкой серебряной монеты, *копѣйкѣ* и *деньгѣ*. Какимъ монетамъ приписаны эти два названія? Сдѣланное доселѣ изложеніе показало намъ, что въ періодъ отъ Іоанна Грознаго до разсматриваемой эпохи, мы не имѣемъ никакого указанія о томъ, чтобы, въ этотъ промежутокъ времени, учреждена была какая нибудь особенная серебряная монета, подъ именемъ *копѣйки*. Учрежденныя распоряженіемъ Правительницы Елены деньги копѣйнаго клейма, или 15-дольнаго вѣса, должны были, какъ желало правительство, оставаться единственнымъ видомъ серебряной монеты, которая должна была обращаться въ народѣ, замѣнивъ собою введенныя злоупотребленіемъ денежниковъ 8—9 дольныя деньги прежняго клейма. Но съ одной стороны, оставшійся и послѣ сказаннаго распоряженія 1536 года во всеобщемъ употребленіи счетъ на 200-денежный рубль, породившій различіе между рублемъ новгородскимъ и московскимъ; съ другой стороны, встрѣчаемый въ актахъ отъ времени до времени переводъ новгородскаго рубля на московскій, заставляли насъ предполагать, что вопреки распоряженію Правительницы Елены, мечевыя деньги, т. е. деньги 200-денежнаго рубля, продолжали обращаться въ народѣ. (86)

---

(86) Маржеретъ, современникъ Лжедимитрія, говоритъ (Сказ. Соврем. о Димитр. Самозв. стр. 50): «Россійская ходячая монета «состоитъ изъ *денегъ* или *копѣекъ*, цѣною около 16 денаріевъ турн«скихъ, изъ *московокъ* въ 8 денаріевъ, и *полушекъ* въ 4 денарія. «Всѣ сіи монеты серебряныя; серебро въ нихъ нѣсколько чище, «нежели въ реалахъ; ими платятъ всякія суммы, считая рублями «(изъ коихъ каждый содержитъ 100 денегъ, или 6 ливровъ 12 су), «полрублями, четверть-рублями, гривнами (10 копѣекъ) и алты«нами (3 деньги или 4 су).» Ясно, что подъ именемъ *денегъ* или *копѣекъ* Маржеретъ разумѣетъ копѣйныя деньги; а подъ именемъ *московокъ* мечевыя деньги; это показываетъ даваемый имъ раз-

Теперь, одно уже признаніе указомъ двухъ существовавшихъ дотолѣ видовъ серебряной монеты какъ нельзя болѣе подтверждаетъ наше предположеніе и не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что названія серебряныхъ *копьекъ* должно быть отнесено не къ другому какому нибудь виду монетъ, какъ къ деньгамъ копѣйнаго клейма; а названіе серебряныхъ *денегъ* къ деньгамъ мечевымъ.

Но сказаніе Кошихина даетъ новое подтвержденіе нашему предположенію. Онъ говоритъ: «А дѣлаютъ деньги серебряныя мелкія: *копьйки*, на одной сторонѣ царь на конѣ, а на другой сторонѣ подпись: царь и великій князь, имя царское и титла самая короткая; *деньги* половина копѣекъ: на одной сторонѣ человѣкъ на конѣ *съ саблею*, на другой подпись царская такаяжъ что и на копѣйкахъ». (87) Не говоря уже о важности для насъ вообще этого свидѣтельства, сдѣланное Кошихинымъ описаніе штемпеля копѣекъ и денегъ, въ настоящемъ случаѣ имѣетъ особенное значеніе: мечевыя деньги, не смотря на распоряженіе 1536 года, имѣвшее въ виду, какъ мы видѣли, уничтоженіе всѣхъ вообще денегъ съ мечевымъ штемпелемъ,

---

мѣръ рубля во 100 денегъ, а не московокъ, которыхъ должно было бы быть въ рублѣ 200; а также опредѣленіе размѣра гривны въ 10 копѣекъ, и алтына въ 3 деньги (а не московки). Въ такъ называемой Торговой Книгѣ (См. Зап. Отд. Рус. и Слав. Археол. Имп. Археол. Общ. Отд. III, стр. 115), составленіе которой надобно полагать между 1575 и 1610 годами, говорится: «Въ «рублѣ 10 гривенъ, въ гривнѣ 10 новгородокъ, въ новгородкѣ 2 «деньги, въ алтынѣ 6 денегъ; въ рублѣ 2 полтины, въ полтинѣ 5 «гривенъ, въ гривнѣ 20 денегъ, въ деньгѣ 2 полуденьги.» Здѣсь гривна опредѣляется въ 20 денегъ, составляющихъ половинную часть новгородки; алтынъ же въ 6 денегъ. Слѣдовательно, ясно, что подъ имемемъ *деньги*, здѣсь разумѣется то, что Маржеретъ называетъ московкою, т. е. мечевыя деньги, или 200-денежнаго рубля.

(87) О Россіи въ царств. Алексія Михайловича. Глава VII.

остались и продолжали существовать до разсматриваемой нами эпохи.

Сдѣлавъ это замѣчаніе, которое будетъ имѣть для насъ свою важность въ послѣдствіи, обращаемся къ изслѣдованію упоминаемыхъ въ грамотѣ монетныхъ единицъ.

Учрежденіе новыхъ видовъ серебряной и мѣдной монеты отнесено въ грамотѣ совершенно къ одному и тому же времени. Тѣмъ не менѣе, однакожъ, извѣстно, что въ учрежденіи ихъ были нѣкоторые, хотя и весьма незначительные, промежутки времени. Для того, чтобъ объяснить какъ хронологическій порядокъ, въ которомъ слѣдовало учрежденіе всѣхъ поименованныхъ монетъ, такъ и размѣръ каждой изъ нихъ, мы должны обратиться къ историческимъ источникамъ. Наиболѣе ясное указаніе относительно времени учрежденія тѣхъ монетъ представляетъ намъ Мейербергъ, который говоритъ: (88) «Въ 1653 году, по приказанію царскому, всѣ нѣмецкіе, голландскіе и другіе талеры или ефимки, которыми издавна платилась у нихъ (русскихъ) пошлина за ввозимый товаръ, были перечеканены на царскомъ монетномъ дворѣ, и, вмѣсто истиннаго ихъ внутренняго достоинства, составляющаго не болѣе половины рубля, опредѣлена имъ цѣна цѣлаго рубля или двухъ талеровъ. Чеканъ этой монеты на одной сторонѣ представляетъ на лошади скачущаго царя въ коронѣ, со скиптромъ въ рукѣ и въ широкомъ платьи, котораго правый рукавъ далеко развѣвается по воздуху; кругомъ надпись: *Божіею милостію, Великій Государь Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ всея Великія и Малыя Россіи;* на другой, окруженнаго нѣкоторыми украшеніями, двоеглаваго орла съ надписями вверху: *лѣта* (1654); а внизу: *рубль*».

---

(88) Бар. Мейербергъ, и путешествіе его по Россіи, С.-П.-Бургъ, 1827. стр. 174, 175.

По совершенной согласности этого подробнаго описанія *рубля* съ описаніемъ той монеты, которая въ грамотѣ названа *серебряными ефимками рублевыми,* нельзя сомнѣваться въ тожествѣ этихъ монетъ. Согласно съ этимъ свидѣтельствомъ, какъ матеріаломъ, такъ и основаніемъ цѣны серебрянаго рубля или серебрянаго ефимка рублеваго послужила приходившая къ намъ изъ нѣмецкихъ земель серебряная монета, извѣстная тамъ подъ именемъ *талера,* а у насъ называвшаяся *ефимкомъ;* при чемъ номинальная цѣна серебряныхъ рублевыхъ ефимковъ или рублей возвышена была правительствомъ противъ ихъ внутренней цѣны, вдвое. Послѣ этого, является необходимость въ отвѣтѣ на вопросъ: какой цѣны былъ самый талеръ или ефимокъ? Чтобъ отвѣчать на этотъ вопросъ, необходимо замѣтить, что какъ въ настоящемъ случаѣ, такъ и вообще при пріемѣ отъ иностранцевъ серебра не въ монетѣ, основаніемъ измѣренія принимался такъ называемый *любскій ефимокъ.* Такъ въ Новоторговомъ Уставѣ, изданномъ въ 1665 году, читаемъ: «Ст. 50. «А прінимать за пошлину золотые добрые угорскіе по рублю золотой, а ефимки любскіе по полтинѣ въ довѣсъ. Ст. 73. А золотые всѣ и ефимки, которые привезутъ изъ за моря, у города Архангельскаго и въ Новѣгородѣ, и во Псковѣ и во всѣхъ порубежныхъ городѣхъ, отдавать ихъ въ казну Великаго Государя, принявъ у иноземцевъ; а имать за нихъ деньги русскія мѣлкія, золотой по рублю, а за ефимки любскіе по полтинѣ, по четырнадцати ефимковъ въ фунтѣ». За тѣмъ, Кошихинъ именно говоритъ: (гл. VII) «и за продолженіемъ Польскія войны, и для пополненія казны, и для поспѣшенія ратнымъ людямъ на жалованье, дѣланы деньги: рублевики серебряные величиною противъ любскаго». Говоря же объ измѣреніи привозимаго иностранцами серебра не въ монетѣ, онъ замѣчаетъ (гл. VII): «а берутъ тѣ ефимки у нихъ за

товары, и серебро (прутовое и тянутое) противъ ефимковъ.» По свидѣтельству же Кедера ([89]), ефимками назывались у нашихъ предковъ талеры въ одну унцію; а любскими потому, что талеры въ унцію были первые привезены въ Россію любскими купцами.

Послѣ этого, для насъ исключительно важенъ вѣсъ любскихъ ефимковъ. Цифру, показанную Кедеромъ, мы могли бы принять за данное въ этомъ случаѣ; но зная какъ разнился вѣсъ талеровъ, судя по времени и мѣсту ихъ выдѣлки ([90]), мы должны понимать сдѣланное Кедеромъ опредѣленіе вѣса талеровъ, приходившихъ въ Россію, не иначе, какъ приблизительнымъ. Однакожъ во всякомъ случаѣ оно важно для насъ въ томъ отношеніи, что представляетъ собою необходимый пунктъ повѣрки вычисленія о дѣйствительной (не номинальной) цѣнѣ любскихъ ефимковъ, передѣланныхъ въ наши рубли. Именно, согласно съ вышеприведеннымъ мѣстомъ Новоторговаго Устава, любскихъ ефимковъ, равнявшихся полтинѣ, входило 14 въ фунтъ. На основаніи показанія Кедера, любскій талеръ или ефимокъ ([91]) заключалъ въ себѣ 1 унцію

([89]) См. Nova Literaria Maris Balthici et Septentrionis, 1700.

([90]) Bar. de Chaud. T. I. p. 77. и слѣд.

([91]) Первыя серебряныя монеты, вѣсомъ въ 1 унцію, были сдѣланы въ Германіи, въ концѣ XV столѣтія; имъ дано было названіе Gulden Groschen, dicke Silber Groschen и dick Pfennige. Около 1519 года, владѣльцы серебряныхъ рудниковъ въ долинѣ Св. Іоахима, въ Богеміи, Шликъ, получивши отъ императора привилегію чеканить монету, стали выдѣлывать монеты тогоже вѣса и пробы какъ и Gulden Groschen, каковыя монеты и названы были Schlicken Thaler, отъ имени владѣльцевъ Шликъ, Loeven-Thaler отъ изображенія на обратной сторонѣ монеты богемскаго льва; но болѣе общее имъ названіе было Joachim-Thaler, отъ имени долины, гдѣ находились рудники, а также отъ изображенія Св. Іоахима, находившагося на лицевой сторонѣ монеты. Имя Joachim было забыто впослѣдствіи въ Германіи; а имя Thaler сохранилось. Въ Россіи же,

серебра. По извѣстному отношенію медицинскаго фунта къ обыкновенному, какъ 1 къ $^7/_8$, выходитъ, что 1 унцъ равняется почти 7 золотникамъ ($6^6/_7$). Слѣдовательно въ обыкновенномъ фунтѣ должно было быть, согласно съ свидѣтельствомъ Кедера, $13^5/_7$ ефимковъ: цифра, чрезвычайно близкая къ той, которую мы находимъ въ оффиціальномъ нашемъ актѣ.

И такъ, по вѣсу металла, въ фунтѣ было 14 ефимковъ или полтинъ, слѣдовательно 7 рублей. Но какъ, по свидѣтельству Мейерберга, подтверждаемому совершенною согласностію съ нимъ сдѣланнаго въ приведенной нами грамотѣ описанія монеты подъ названіемъ *рубль*,—ефимки, при передѣлкѣ ихъ у насъ, получили номинальную цѣну *рублей*, то номинальныхъ рублей, согласно съ распоряженіемъ 1654 г., входило въ фунтъ 14.

Объясненіе того, что значили *серебряные ефимки съ признаками*, находимъ также у Мейерберга, который говоритъ, что чрезъ годъ послѣ сказаннаго распоряженія 1654 года, оставлена была передѣлка ефимковъ, которые стали быть означаемы только небольшими клеймами, означавшими московскій гербъ и 1655 годъ. Но чтобъ понять причину этой перемѣны, слѣдуетъ обратиться къ Кошихину. «А привозятъ, говоритъ онъ, ефимки и серебро, прутовое и тянутое, къ Архангельскому городу, изъ Голландской земли, и изъ Венеціи, и изъ Любка, и изъ Амбурка, а покупаютъ они на тѣ ефимки всякіе товары изъ царскія казны, или серебро жъ мѣняютъ на всякіе товары, а берутъ тѣ ефимки у нихъ за товары, и серебро противъ ефимковъ, по четыре гривны и по 14 алтынъ ефимокъ (92); а товары царскіе ставятъ дорогою

напротивъ, имя Joachim было принято для означенія этой монеты, и переиначено народомъ въ ефимокъ.

(92) То есть: иногда по 4 гривны, а иногда даже по 14 алтынъ. Здѣсь, какъ и вездѣ въ другихъ мѣстахъ, принята въ основаніе

цѣною, и изъ тѣхъ ефимковъ, или изъ серебра, въ серебряныхъ деньгахъ царю бываетъ прибыль великая, потому что ефимки и серебро приходитъ дешевою цѣною, а въ дѣлѣ московскихъ денегъ выходитъ изъ ефимка по двадцати по одному алтыну по двѣ деньги, и отъ всякаго ефимка прибыли царю по 7 алтынъ по 2 деньги и по 8 алтынъ». И далѣе: «дѣланы деньги, рублевики серебряные величиною противъ любскаго, четверти рублевые вѣсомъ 5 алтынъ 2 деньги, на ефимкахъ любскихъ кладены печати царскія, и отдаваны тѣ ефимки изъ царскіе казны по полной цѣнѣ, по 21 алтыну по 2 деньги, а не противъ того, какъ иманы въ царскую казну, и какъ прежъ сего хаживали въ рядѣхъ; и въ царскую казну назадъ и въ рядѣхъ, за всякіе товары, имали тѣ ефимки и рублевики и четверти по установленной цѣнѣ; а кому лучилося платить въ царскую казну деньги ефимками жъ любскими, а царскихъ печатей на тѣхъ ефимкахъ не было, и у нихъ тѣ ефимки имали по 4 гривны». (Стр. 78).

Разсматривая номинальную цѣну, назначаемую Кошихинымъ ефимкамъ, именно въ 21 алтынъ 2 деньги, которая оказывается ниже опредѣленной ефимкамъ распоряженіемъ 1654 года, т. е. въ рубль, мы необходимо приходимъ къ убѣжденію, что слова Кошихина относятся не къ иной какой-либо монетѣ, какъ къ той, которая названа въ грамотѣ ефимкомъ съ признаками. Зная же, что при расчетахъ въ это время принимался въ основаніе 200—денежный рубль, мы заключаемъ, что по распоряженію 1654 г., ефимки, сравненные при пріемѣ въ казну съ полтиною, принимались по 16 алтынъ 4 деньги, выдавались же изъ

расчета гривна 20-денежная, т. е. 200-денежнаго рубля, или мечевыхъ денегъ; потому что въ такой гривнѣ 3 алтына 2 деньги, слѣдовательно въ 4 гривнахъ 12 алтынъ 8 денегъ, т. е. 13 алтынъ 2 деньги.

оной по рублю, слѣдовательно по 33 алтына 2 деньги; по распоряженію же 1655 года, высшая цѣна, по которой ефимки принимались въ казну, была 14 алтынъ; выдавались же они изъ казны, въ качествѣ серебряныхъ ефимковъ съ признаками, по цѣнѣ 21 алтына 2 денегъ. Иноземныя монеты, подъ названіемъ ефимковъ, встрѣчаемъ въ нашихъ актахъ въ первый разъ подъ 1571 годомъ, когда при ввозѣ ихъ, опредѣлена была пошлина ([93]); они были передѣлываемы, по свидѣтельству Кошихина, въ русскія мелкія серебряныя монеты: копѣйки, деньги и полушки, какъ узнаемъ объ этомъ и изъ оффиціальныхъ документовъ ([94]). Возросшая, за тѣмъ, потребность въ серебрѣ, заставила, въ царствованіе Алексія Михайловича, не только отмѣнить пошлину на ввозимые иностранцами ефимки и серебро не въ монетѣ ([95]), запретить обратный вывозъ ефимковъ изъ Россіи; но и возвысить номинальную цѣну ефимковъ, при передѣлкѣ ихъ, согласно съ мѣрою 1654 года, въ рубли, вдвое противъ заключавшагося въ нихъ количества металла. Но надо предполагать, что это поднятіе номинальной цѣны монеты далеко уже не соотвѣтствовало дѣйствительной ея цѣнѣ; почему и вызвало мѣру 1655 года, допустившую поднятіе номинальной цѣны ефимковъ не свыше 21 алтына 2 денегъ; но въ замѣнъ того, понизившую цѣну на ефимки при пріемѣ ихъ въ казну, до 14 алтынъ и даже до 13 алтынъ 2 денегъ.

([93]) Собр. Госуд. Грам. и Договор. II. 53.
([94]) Кошихинъ, о Россіи и пр. VII. стр. 77.
([95]) Иностранцамъ поставлено было также въ обязанность платить пошлину не иначе какъ золотыми и ефимками; тогда какъ русскимъ торговымъ людямъ и «московскимъ прироженнымъ иноземцамъ» дозволено было платить пошлину русскими мелкими деньгами по прежнему. (Полн. Собр. Зак. т. I. № 408 п. 32, 48, 50, также п. 72.)

Послѣ этого, въ разсматриваемый періодъ времени мы имѣемъ двѣ новыя серебряныя монеты, изъ которыхъ одна, 1654 года, подъ названіемъ рубля, по количеству заключавшагося въ ней серебра, равнялась полтинѣ; такихъ рублей, по вѣсу, было въ фунтѣ 7, по номинальной же цѣнѣ 14; другія монеты, 1655 года, которыхъ дѣйствительная принудительная цѣна не превосходила 14 алтынъ, и которыхъ номинальная цѣна, равнявшаяся 21 алтыну 2 деньгамъ,* т. е. 128 деньгамъ, составляла только съ небольшимъ $^5/_8$ частей 200-денежнаго рубля того размѣра, которыхъ было, по количеству металла, въ фунтѣ 6; и если дать этой монетѣ 1655 года названіе рубля, то такихъ рублей въ фунтѣ было 12, потому что помноживъ 6 долей, вѣсъ одной деньги такого рубля на 128 денегъ, и потомъ сіе произведеніе на 12, получаемъ цифру 9216, составляющую именно все количество долей въ фунтѣ.

Изъ всего вышеизложеннаго становится очевиднымъ, что утвержденіе барона Шодуара относительно количества рублей въ фунтѣ при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ ($9^{21}/_{100}$ р.) въ отношеніи къ такъ называвшимся рублямъ 1654 и и 1655 годовъ, нельзя считать вѣрнымъ. Ниже мы увидимъ, въ какой степени оно вѣрно въ отношеніи рубля денежнаго.

Свидѣтельство Кошихина о размѣрѣ *серебряныхъ четвертинъ полуполтинныхъ*, или, какъ выражается Кошихинъ, *четвертей рублевыхъ*, для насъ драгоцѣнно: безъ него мы не могли бы опредѣлить съ точностію размѣра этой монеты, по невозможности сказать положительно, къ какой монетѣ четвертины относились какъ часть; но 5 алтынъ 2 деньги, которымъ, по Кошихину, равнялась четвертина, составляютъ именно четвертую долю 21 алтына

2 денегъ; слѣдовательно, монеты, извѣстной подъ именемъ ефимка съ признаками [96].

Казалось бы, что вмѣстѣ съ учрежденіемъ новой монеты, которая, по видимому, должна была соотвѣтствовать рублю, основной монетной единицѣ, 200-денежный рубль долженъ былъ обратиться въ 128-денежный, а вмѣстѣ съ тѣмъ произойти и соотвѣтственное измѣненіе въ размѣрѣ числительныхъ монетныхъ единицъ, изъ которыхъ составлялся дотолѣ рубль,—полтины и алтына; но этого мы вовсе не видимъ: въ рублѣ по прежнему остался счетъ 33 алтыновъ 2-хъ денегъ; въ полтинѣ 16 алтыновъ 2 денегъ, какъ видимъ изъ всѣхъ актовъ того времени, напримѣръ изъ указа 15 Іюня 1663 года; изъ выписки изъ бѣлозерскихъ писцовыхъ книгъ, 1674 года [97], гдѣ читаемъ: «на прогоны 33 рубли 29 алтынъ 2 деньги; 78 рублей 27 алтынъ полтретьи деньги», и проч. Это показываетъ, что правительство, давши одной изъ сказанныхъ монетъ названіе рубля, но потомъ скоро замѣнивши ее другою, которой дано было названіе только ефимка съ признаками, существеннаго измѣненія въ монетной системѣ тѣмъ не сдѣлало. Талеръ, вошедши въ нашу монетную систему подъ именемъ рубля, рублеваго ефимка и ефимка съ признаками, не сдѣлался, въ настоящее время, въ собственномъ смыслѣ основною монетою счета, отъ которой зависѣло бы расчисленіе полтины и алтына, какъ отъ рубля числительнаго; но просто только выраженіемъ цѣнности 21 алтына 2 денегъ 200-денежнаго рубля. И въ этомъ случаѣ то обстоятельство, что монетѣ 1655 года не дано уже названіе рубля, какъ монетѣ 1654 года, но только ефимка съ признаками, для насъ

---

(96) Талеры для этого просто разрѣзывались на 4 части, къ которымъ прикладывался штемпель.

(97) Акты Юридич. № 231.

важно: оно показываетъ, что правительство введеніемъ этой монеты не имѣло въ виду замѣнить 200-денежный рубль; потому что для этого необходимо было бы передѣлать въ соотвѣтствующій вѣсъ и размѣнную серебряную монету, деньгу; но этого сдѣлано не было; а просто желало выпускомъ этой монеты въ народное обращеніе съ большею цѣною противъ той, по которой оно ее принимало, доставить себѣ только нѣкоторую выгоду, какъ, по утвержденію современника, это дѣйствительно и было.

Сверхъ всѣхъ исчисленныхъ нами видовъ серебряной монеты, существовала въ это время еще одна серебряная монета. Это *полденьга*, о времени происхожденія которой, какъ мы видѣли, въ нашихъ памятникахъ нѣтъ указаній, но которую мы нашли уже при царѣ Іоаннѣ Грозномъ. Въ разсматриваемую нами эпоху, мы находимъ уже положительныя указанія даже о ея размѣрѣ. Такъ, Кошихинъ (стр. 77) исчисляя существовавшія при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ виды серебряной монеты, говоритъ: «*полушки*, четвертая доля копѣекъ, денегъ половина»; а Мейербергъ (стр. 178—182), исчисляя виды существовавшихъ тогда въ Россіи монетъ, поименовываетъ «*полуденнıги* (полденьги), которыхъ полагается 400 на одинъ серебряный рубль». Послѣ такихъ ясныхъ указаній, не можетъ быть никакого сомнѣнія относительно размѣра *полденьги* или *полушки*: она была именно половина мечевой деньги, или деньги 200-денежнаго рубля [98].

Учрежденіе исчисленныхъ въ грамотѣ видовъ *мѣдной* монеты было слѣдствіемъ желанія правительства выйти

(98) Объясненіе того, почему полушекъ находится меньше сравнительно съ доходящимъ до насъ количествомъ серебряныхъ денегъ, находимъ въ такъ называемой Торговой Книгѣ (См. Зап. Отд. Рус. и Слав. Арх. Императорскаго Русск. Арх. Общ. Т. I. Отд. III, стр. 116), гдѣ говорится: «а за тѣмъ полушекъ не дѣлаютъ, что имъ расходъ малъ.»

изъ затруднительнаго финансоваго положенія, въ которое поставили его преимущественно войны съ Швеціею и Польшею. Мѣрою этого, приписываемою совѣтамъ окольничаго Ртищева, хотѣли обратить въ казну мелкія серебряныя деньги, выпустивъ въ замѣнъ ихъ упоминаемыя въ грамотѣ виды мѣдной монеты съ одинаковымъ штемпелемъ и въ такой же цѣнѣ, какъ серебряная монета. Осуществленіе этой мѣры Мейербергъ относитъ къ 1656 году. Однакожъ, не всѣ изъ упоминаемыхъ въ грамотѣ видовъ мѣдной монеты учреждены одновременно. О послѣдовательномъ выпускѣ этого рода монеты и о причинахъ его мы имѣемъ слѣдующее извѣстіе Кошихина (99). «Да въ тожъ время (вмѣстѣ съ рублевыми ефимками; такъ «какъ и изъ грамоты видно, что мѣдные полтинники «имѣли ходъ уже въ 1654 году) дѣлали деньги полтин«ники мѣдные съ ефимокъ, и крестьяне увидѣвъ такіе «въ одну пору худые дѣланые деньги, не ровные и смѣ«шанные, не почали въ городы возить сѣна и дровъ и «съѣстныхъ запасовъ—и почала быть отъ тѣхъ денегъ «на всякіе товары дороговь великая. А служилымъ лю«демъ царское жалованье давано полное, а они покупали «всякіе запасы и харчь и товары вдвое цѣною, и отъ «того у нихъ въ году жалованья не доставало и скудость «почала быть болшая. Хотя о тѣхъ деньгахъ былъ указъ «жестокой и казни, чтобъ для нихъ товаровъ и запасовъ «никакихъ цѣною не подвышати: однако на то не смот«рѣли. И видя царь, что въ тѣхъ деньгахъ не учало «быти прибыли, и смута почала быть болшая, велѣлъ «на Москвѣ и въ Новѣгородѣ, и во Псковѣ, а потомъ и «въ Куконаузѣ, дѣлати на дворѣхъ своихъ деньги мѣд«ные, алтынники, копѣйки, противъ старыхъ серебря-

---

(99) О Россіи, гл. VII.

«ныхъ копѣекъ, и отъ тѣхъ денегъ межъ крестьянъ по-«тому жъ была смута, и тѣ прежнія деньги, и алтынни-«ки, и грошевики, велѣлъ царь принимати въ казну и «передѣлывать въ мѣлкія копѣйки. И дѣланы послѣ того «деньги мѣдные жъ мѣлкіе, и ходили тѣ же мелкіе день-«ги многое время съ серебряными за одно».

Это извѣстіе о послѣдовательномъ выпускѣ различныхъ видовъ мѣдной монеты много помогаетъ объясненію истинной цѣны, по которой они должны были находиться въ обращеніи. На основаніи его, мѣдные полтинники учреждены были прежде другихъ мѣдныхъ монетъ, и хотя Кошихинъ не говоритъ, когда именно; но годъ, который, по указанію грамоты, выбитъ былъ на этихъ монетахъ (7162—1654) не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что мѣдный полтинникъ учрежденъ былъ одновременно съ серебряною монетою подъ названіемъ рубля, т. е. въ 1654 году. Другими словами: это показываетъ, что мѣдные полтинники должны были составлять половину той иноземной серебряной монеты, которая, бывъ принята въ казну по полтинѣ, т. е. по 16 алтынъ 4 деньги, должна была ходить въ народномъ обращеніи въ номинальной двойной цѣнѣ, т. е. въ качествѣ рубля. Но эти, такъ называемые рубли, въ слѣдующемъ же 1655 году, какъ мы видѣли, были замѣнены другою серебряною монетою, ефимками съ признаками, пущенными въ обращеніе уже по низшей цѣнѣ, т. е. по 21 алтыну 2 деньги 200-денежнаго рубля: а съ этимъ вмѣстѣ, естественно долженъ былъ прекратиться и ходъ мѣдныхъ полтинниковъ, тѣмъ болѣе, что, какъ говоритъ Кошихинъ, по причинѣ появленія между ними фальшивыхъ, и, безъ сомнѣнія, по причинѣ несоотвѣтствующей номинальной цѣны, которая была имъ назначена, ходъ ихъ послужилъ причиною дороговизны. И только по уничтоженіи ужѐ полтинниковъ, сдѣлано было, говоритъ Кошихинъ, распоряженіе о вы-

пускѣ алтынниковъ, грошевиковъ и копѣекъ *противъ старыхъ серебряныхъ копѣекъ*, каковое распоряженіе, какъ видно изъ грамоты въ туринскій острогъ воеводѣ Матвѣю Трегубову ([100]), относится именно къ 1656 году.

Выше мы показали, что до 1654 года не существовало иныхъ серебряныхъ монетъ кромѣ денегъ двухъ размѣровъ: копѣйныхъ и мечевыхъ, бывшихъ въ половину меньше первыхъ; и серебряныхъ полушекъ. Слѣдовательно извѣстныя уже намъ серебряныя мелкія монеты, деньги копѣйнаго клейма, называемыя въ грамотѣ уже копѣйками, и собственно деньги, послужили основаніемъ размѣра мѣдныхъ монетъ: денегъ, копѣекъ, грошевиковъ и алтынниковъ. Другими словами: мѣдная деньга, какъ увидимъ изъ послѣдующаго розысканія, должна была соотвѣтствовать 5 долямъ серебра, мѣдная копѣйка деньгѣ копѣйнаго клейма или 10 долямъ серебра; мѣдный грошевикъ, заключавшій въ себѣ 4 деньги ([101]), 20 долямъ серебра, и наконецъ мѣдный алтынникъ, заключавшій въ себѣ 6 денегъ, соотвѣтствовалъ 30 долямъ серебра.

Эти мѣдныя монеты, которыя выдѣлывались въ Москвѣ, Псковѣ и Новгородѣ, и отъ принятія которыхъ наровнѣ съ серебряными изъяты были только жители Сибири и

([100]) Полн. Собр. Зак. Т. I. № 344.

([101]) О размѣрѣ *гроша* встрѣчаемъ свидѣтельство еще прежде 1656 года. Такъ, объ этомъ размѣрѣ можно судить еще изъ указа о хлѣбномъ и калачномъ вѣсу (подъ 7134 (1626) годомъ), гдѣ говорится, между прочимъ: «вѣсу въ двуденежномъ (хлѣбѣ) 5 «гривенокъ съ четью; въ грошовомъ 10 гривенокъ и полтрети и «пол-пол-полчети; въ алтынномъ 15 гривенокъ съ полугривенкой; «—вѣсу въ 2-денежномъ 5 гривенокъ безъ чети и пол-пол-пол-чети; «въ грошовомъ 10 гривенокъ и пол-пол-полчети; въ алтынномъ 15 «гривенокъ безъ трети»; и проч. (См. Временникъ Императорскаго Моск. Общ. Ист. и Древ. Россійск. 1849 года, № 4). Слѣдовательно, судя по отношенію вѣса хлѣба въ этомъ актѣ, грошъ долженъ былъ равняться *четыремъ* деньгамъ.

иностранцы, скоро однакожъ послѣ ихъ учрежденія начали измѣнять ихъ предназначенію. По мѣрѣ того, какъ серебряная монета изчезала изъ обращенія, и съ появленіемъ вмѣстѣ съ выпущенною отъ казны мѣдною монетою, фальшивой, мѣдная монета теряла свою цѣну въ сравненіи съ серебряною, и уже въ 1659 году, какъ видимъ изъ указа 15 іюня 1663 г., началась надбавка мѣдныхъ монетъ на серебряный рубль; именно:

Въ 1659	году	съ	1 сентября	по	1 марта	на рубль серебряныхъ денегъ было прибавки мѣдныхъ монетъ по 8 денегъ.
— —	—	—	1 марта	—	1 іюля	по 2 алт. 4 ден.
— —	—	—	1 іюля	—	1 сент.	— 3 — 2 —
— 1660	—	—	1 сентября	—	1 декаб.	— 5 — »
— —	—	—	1 декабря	—	1 марта	—10 — »
— —	—	—	1 марта	—	1 іюня	—20 — »
— —	—	—	1 іюня	—	1 сент.	—23 — 2 —
— 1661	—	—	1 сентября	—	1 декаб.	—26 — 4 —
— —	—	—	1 декабря	—	1 марта	— 2 руб. » —
— —	—	—	1 марта	—	1 іюня	— 2р. 8ал. 2 —
— —	—	—	1 іюня	—	1 сент.	— 2р. съ полтин.
— 1662	—	—	1 сентября	—	1 декаб.	— 3 руб.
— —	—	—	1 декабря	—	1 марта	— 4 —
— —	—	—	1 марта	—	1 іюня	— 6 —
— —	—	—	1 іюня	—	1 сент.	— 8 —
— 1663	—	—	1 сентября	—	1 марта	— 9 —
— —	—	—	1 марта	—	1 апр.	—10 —
— —	—	—	1 апрѣля	—	1 мая	—12 —
— —	—	—	1 мая	—	15 мая	—15 —

Мы знаемъ также, что дальнѣйшимъ послѣдствіемъ обращенія мѣдной монеты наровнѣ съ серебряною было народное волненіе, и наконецъ уничтоженіе мѣдной монеты, и возстановленіе обращенія прежней серебряной.

Указомъ 11 іюня 1663 года именно было повелѣно: «на «Москвѣ и въ Великомъ Новѣгородѣ и во Псковѣ денежнаго мѣднаго дѣла дворы отставить..., а старой денежной серебрянаго дѣла дворъ на Москвѣ завесть и серебряныя деньги на немъ денежнымъ мастерамъ дѣлать іюня съ 15 числа... А мѣдныя деньги... отставить».

Указомъ 15 іюня 1663 года опредѣлено: «на Москвѣ и «въ городѣхъ въ... казну таможенные и иные всякіе денежные доходы имать серебряными деньгами, а мѣдныхъ денегъ въ... казну нигдѣ не принимать.» Указомъ отъ того же числа повелѣно было «съ кружечныхъ дворовъ питье продавать на серебряныя деньги». Далѣе, въ указѣ 23 іюня 1663 года сказано было: «долги по ка-«баламъ и по записямъ, которые люди займывали мѣдными деньгами... платить серебряными деньгами противъ записи, какъ срокъ писанъ, считая противъ того, «какъ въ которомъ году и мѣсяцѣ и числѣ противъ кабальнаго и записнаго срока ходили мѣдныя деньги»; и наконецъ указомъ 26 іюня того же года опредѣлено: «мѣдныя деньги сливать, а не сливъ, деньгами никому у «себя не держать»; тѣмъ же, которые захотѣли бы приносить мѣдныя деньги въ казну, давать за рубдь мѣдныхъ денегъ двѣ деньги серебряныя ([102]).

Такимъ образомъ, мелкая серебряная монета снова осталась единственнымъ представителемъ цѣнностей. Однакожъ изъ указа 4 марта 1683 года видно, что правительство, не смотря на бывшій уже опытъ, опять пыталось, хотя не на всемъ пространствѣ государства, но въ одной только мѣстности, сравнять мѣдную монету съ серебряною,

---

([102]) Полн. Собр. Зак. Т. I. №№ 338, 339, 341, 342, 343. — Кошихинъ говоритъ, что за рубль мѣдныхъ денегъ положено было платить серебряными по 10 денегъ. Но это явная ошибка, по несоразмѣрности отношенія цѣны мѣди къ цѣнѣ серебра.

и тѣмъ восполнить недостатокъ послѣдней. Это именно въ украйныхъ городахъ — Сѣвскѣ и другихъ, бывшихъ смѣжными съ Польскими и Черкасскими городами, гдѣ велѣно было «таможенную пошлину и на кружечныхъ дворахъ питейную прибыль сбирать на серебряныя мелкія деньги и на польскіе мѣдные чехи, и тѣ сборные мѣдные чехи въ тѣхъ же городахъ... давать.... въ расходъ, куда доведется, и ратнымъ людямъ на жалованье вмѣсто серебряныхъ денегъ безъ наддачи..... и чтобъ мѣдные чехи съ серебряными деньгами цѣною были ровно безъ наддачи.» Вмѣстѣ съ тѣмъ, въ этихъ же городахъ велѣно было покупать и продавать на мѣдные чехи сѣвскаго дѣла противъ того, какъ въ тѣхъ же городахъ торговали польскаго дѣла чехами. Но эти мѣдные собственно сѣвскаго дѣла чехи, дѣланные, какъ сказано въ указѣ 25 Іюля 1687 года, для пополненія... казны, ратнымъ людямъ на жалованье, по представленію окольничаго Неплюева, около того же времяни отмѣнены; потому что, по словамъ помянутаго указа, «люди новыхъ чеховъ противъ серебряныхъ денегъ и польскихъ чеховъ, въ равенствѣ не брали.... и оттого-де въ Путивлѣ чинился великій мятежъ.... И великіе государи указали тѣхъ сѣвскаго дѣла чеховъ нынѣ и впредь въ Сѣвску и въ иныхъ городахъ въ казну не имать.... а имать... мелкія серебряныя деньги, и ефимки, и старые польскіе жигмонтовскіе чехи». Однакожъ и позже правительство не хотѣло разстаться съ смыслію о замѣнѣ серебряной монеты мѣдною; потому что въ указѣ отъ 8 февраля 1696 года, князю Волконскому, назначенному въ городъ Черниговъ воеводою, велѣно было деньги давать на самые нужные расходы, безъ чего быть невозможно, и на тое дачу велѣть давать чехами, а не серебряными деньгами; а серебряныхъ денегъ въ расходъ отнюдь не давать, и на чехи серебряныхъ денегъ не мѣнять».

Далѣе, до самаго 1701 года, мы не встрѣчаемъ никакихъ мѣръ относительно видовъ или формы монетъ.

Изъ сдѣланнаго разсмотрѣнія оказывается, что, выключая изложенный эпизодъ о рублевыхъ ефимкахъ и ефимкахъ съ признаками, и о мѣдной монетѣ, и постепенно уменьшавшійся размѣръ рубля, монетная система во все XVII столѣтіе не испытала никакихъ измѣненій въ видахъ монетъ или формѣ ихъ: 200-денежный рубль съ своими серебряными копѣйками и деньгами оставался неизмѣнно. Но въ замѣнъ того, мы видимъ въ это время мѣры, клонившіяся къ удовлетворенію главной заботы, бывшей у правительства въ продолженіи всего XVII столѣтія и въ особенности во второй его половинѣ, къ привлеченію въ казну иностранной золотой и преимущественно серебряной монеты—«добрыхъ золотыхъ угорскихъ и любскихъ ефимковъ»,—съ цѣлію передѣлки послѣдней, какъ видимъ изъ Наказа Таможеннымъ Головамъ 1699 года, въ мелкія русскія монеты—копѣйки и деньги. Съ этою именно цѣлію, въ Новоторговомъ Уставѣ 1665 года постановлено было: 1) съ продажныхъ заморскихъ товаровъ (привозимыхъ иностранцами) взимать пошлину золотыми и ефимками (ст. 48); тогда какъ «русскимъ торговымъ людямъ и московскимъ прироженнымъ иноземцамъ» разрѣшалось платить пошлину русскими мелкими деньгами по прежнему (ст. 50); 2) иноземцамъ поставлено было въ обязанность, въ случаѣ провоза ими своихъ товаровъ изъ Архангельска въ Москву и въ иные города, платить проѣзжія пошлины также золотыми и ефимками (ст. 56); 3) опредѣлено было всѣ золотые и ефимки, привезенные иноземцами изъ-за-моря у Архангельска, въ Новгородѣ, во Псковѣ и во всѣхъ порубежныхъ городахъ, — отдавать въ казну подъ страхомъ пени за утайку въ таможнѣ (ст. 73); 4) запрещено было принимать отъ иноземцевъ русскія деньги въ уплату старыхъ долговъ (ст. 73); 5) ве-

лѣно было конфисковать золотые и ефимки, провезенные утайкою; 6) подъ страхомъ конфискаціи запрещено было азіатцамъ (кызылбашамъ, индѣйцамъ, бухарцамъ, армянамъ, кумыкамъ, черкесамъ и астраханскимъ жильцамъ), покупать, а русскимъ людямъ продавать имъ золотые и ефимки, равно какъ вывозить имъ въ свою землю русскія деньги и золотые (ст. 79). — Мѣры эти повторяются въ въ различныхъ распоряженіяхъ правительства до самаго конца разсматриваемаго періода. — При чемъ, хотя рубль, какъ мы видѣли, подъ конецъ этого періода противъ времени Алексія Михайловича уменьшился; но ефимки и золотые, даже въ 1699 году ([103]) по прежнему были взимаемы: первые по 14 ефимковъ въ фунтѣ или по полтинѣ временъ Алексія Михайловича; а вторые по рублю. Правительство, слѣдовательно, имѣло полное право сказать, какъ выражено въ Наказѣ Таможеннымъ Головамъ о сборѣ таможенныхъ пошлинъ въ г. Архангельскѣ, 1699 года, что оттого, что «ефимки на Москвѣ идутъ въ денежный передѣлъ, Великаго Государя казнѣ прибыль, а купецкимъ людямъ въ торгахъ пополненіе». По этому-то, въ видахъ усиленія сказанныхъ мѣръ къ представленію въ казну золотыхъ и ефимковъ, иноземцамъ и русскимъ людямъ, коимъ за представленные ефимки выданы были деньги по указной цѣнѣ, предоставлены были льготы. Съ иноземцевъ не взималось пошлины за тѣ товары, которые они покупали на золотые и ефимки ([104]); равно какъ не взималось съ нихъ пошлинъ и въ томъ случаѣ, если они свои наличные золотые и ефимки продавали русскимъ людямъ, или отдавали за долги прошлыхъ лѣтъ; съ иноземцевъ и русскихъ людей, продавшихъ въ «купецкую и ефимочную палату» по указной цѣнѣ

([103]) Полн. Собр. Зак. Т. III. № 1687.

([104]) См. Имен. Указъ 1680 г. 30 Августа.

ефимки, — если они вывозили въ свои земли или города полученныя за ефимки деньги, то съ этихъ взятыхъ за ефимки денегъ пошлинъ въ Москвѣ и въ городахъ не бралось. ([105])

Началомъ радикальныхъ измѣненій въ монетной системѣ, предпринятыхъ Петромъ Великимъ, можно считать 1701-й годъ, когда появились первыя *гривны* или *гривенники, полтины и полуполтинники*, и въ слѣдъ за тѣмъ *рубли;* а потому мы здѣсь останавливаемся въ настоящемъ нашемъ трудѣ.

VIII.

Окончательные выводы о размѣрѣ рубля въ различное время до 1704 года, основанные на выводѣ средняго вѣса монетъ. — Указаніе историческое о размѣрѣ рубля при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а также и о томъ, когда размѣръ рубля началъ уменьшаться. — Повѣрка вычисленія вѣса монетъ, относящаяся къ тому же времени, представленная нумизматикой въ послѣднее время. — Отношеніе вѣса основной монеты древней нашей монетной системы, т. е. деньги мечевой, къ вѣсу нынѣшней копѣйки серебра, въ различныя эпохи изслѣдованнаго нами пространства времени. — Выводы средняго вѣса монетъ удѣльныхъ княженій. — Возможное заключеніе объ одинаковости монетной системы удѣльныхъ князей съ монетною системою Великихъ Князей; — согласность нашего заключенія въ этомъ отношеніи съ заключеніемъ Г. Черткова.

Прослѣдивъ исторически монетную систему до Петра Великаго въ ея видахъ, слѣдуетъ опредѣлить, въ исто-

---

([105]) Наказъ Гостю Лабазному 1698 года 29 Августа.

рическомъ же порядкѣ, внутреннюю цѣну тѣхъ видовъ; другими словами, вѣсъ монетъ, составлявшихъ монетную систему. Естественно, что кромѣ прямыхъ указаній письменныхъ о законномъ вѣсѣ монетъ, самый вѣрный способъ открытія здѣсь истины состоитъ въ вычисленіи вѣса монетъ по дошедшимъ до насъ ихъ экземплярамъ; соображенія же современныхъ свидѣтельствъ о томъ, въ какой степени размѣръ монетъ измѣнялся по отношенію, на примѣръ, къ предъидущему времени, должны, по возможности, представить намъ повѣрку сказаннаго вычисленія. Наши положительныя извѣстія о количествѣ рублей, которое опредѣлено было выдѣлывать изъ гривенки или полфунта серебра, подтвержденныя выводомъ средняго вѣса монетъ, останавливаются на царствованіи Іоанна Грознаго, когда Правительница Елена опредѣлила выдѣлывать изъ гривенки 3 рубля. Дальнѣйшіе выводы въ этомъ отношеніи мы должны основывать опять только на выводѣ средняго вѣса по дошедшимъ до насъ экземплярамъ монетъ.

Уже баронъ Шодуаръ замѣтилъ ([106]), что размѣръ 3-хъ рублей въ гривенкѣ, опредѣленный распоряженіемъ 1536 года, не былъ строго соблюдаемъ даже при Іоаннѣ Грозномъ, судя по большому числу хорошо сохранившихся копѣйныхъ денегъ этого царствованія, которыхъ размѣръ таковъ, что ихъ должно было находиться въ гривенкѣ $3^1/_{10}$ рублей или $6^1/_5$ рублей въ фунтѣ. Другими словами: рубль при царѣ Іоаннѣ Грозномъ, не смотря на желаніе правительства, выразившееся въ распоряженіи 1536 года, остановить его измѣненіе, не переставалъ уменьшаться. Но вѣсъ монетъ показываетъ, что это уменьшеніе было еще такъ незначительно, что размѣръ 6 рублей въ фунтѣ долженъ быть принятъ за нормаль-

---

([106]) Aperçu sur les monnaies russes, etc. T. I. p. 123.

ный, не только во все царствованіе Іоанна Грознаго; но даже до царствованія Василія Іоанновича Шуйскаго. Пользуясь, за тѣмъ, выводами, сдѣланными барономъ Шодуаромъ на основаніи произведеннаго имъ взвѣшиванія имѣвшихся у него подъ руками монетъ, мы находимъ, что при царѣ Василіи Іоанновичѣ Шуйскомъ, изъ фунта серебра выдѣлывалось уже 6 рублей $30^1/_2$ копѣйныхъ денегъ; при царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ 8 рублей 77 копѣйныхъ денегъ; при царѣ Алексіѣ Михайловичѣ 9 рублей $21^2/_3$ копѣйныя деньги, называющіяся отнынѣ копѣйками; при царяхъ Іоаннѣ Алексіевичѣ и Петрѣ Алексіевичѣ до 1697 года 10 рублей 24 копѣйки; въ 1697 году 10 рублей $84^1/_4$ копѣйки; въ 1698 году 13 рублей $16^1/_2$ копѣйки; съ 1699 по 1704 годъ 14 рублей 18 копѣекъ; въ 1704 году 15 рублей 36 копѣкъ. Другими словами: размѣръ копѣйной деньги или копѣйки, а вмѣстѣ съ тѣмъ и основной монеты — деньги мечевой, или 200-денежнаго рубля, уменьшался въ слѣдующемъ порядкѣ:

При ц. Василіи Іоан. Шуйскомъ вѣсъ составлялъ:

	копѣйной деньги $14^1/_2$ дол.	мечевой деньги $7^1/_4$ доли.
— — Михаилѣ Θеодоровичѣ. . .	$10^1/_2$ д.	$5^1/_4$ д.
— — Алексіѣ Михайловичѣ . . .	10 —	5 —
— ц. ц. Іоаннѣ Алексіевичѣ и Петрѣ Алексіевичѣ до 1697 года .	9 —	$4^1/_2$ —
Въ 1697 году . .	$8^1/_2$ —	$4^1/_4$ —
— 1698 — . .	7 —	$3^1/_2$ —
Съ 1699 по 1704 г.	$6^1/_2$ —	$3^1/_4$ —
Въ 1704 году . . .	6 —	3 —

Желая, за симъ, дойти до истины другимъ путемъ, и найти, по возможности, указанія прямо историческія о томъ, въ какой степени рубль уменьшался,—мы встрѣчаемъ въ статейной книгѣ 1621 года свидѣтельство, драго-

цѣнное для насъ не только относительно разъясненія размѣра рубля въ то время; но также и касательно того, когда началъ размѣръ рубля уменьшаться и почему именно? Это свидѣтельство относится къ жалобѣ бывшаго въ то время въ Москвѣ отъ англійскаго короля Іакова посломъ Ивана Ульянова Мерика, на уменьшеніе въ Россіи вѣса серебряныхъ монетъ. На конференціи съ боярами 30 января 1621 года, этотъ посолъ именно жаловался: что торгующіе въ Россіи англичане претерпѣваютъ убытки отъ-того «что нынѣ въ московскомъ государствѣ дѣлаютъ деньги предъ прежнимъ легче, недовѣсу въ четвертую долю» ([107]).

Мы знаемъ, что установленный при Іоаннѣ Грозномъ вѣсъ копѣйныхъ денегъ составлялъ $15^9/_{25}$ долей. Теперь англійскій посолъ жалуется, что деньги сдѣлались четвертою долею легче. Если мы раздѣлимъ $15^9/_{25}$ на 4, то получимъ дробь $^{25}/_{96}$, которую если увеличимъ въ три раза, т. е. раздѣлимъ ее на три, то получимъ $11^{13}/_{25}$. Слѣдовательно, деньги вѣсомъ въ $15^9/_{25}$ долей, будучи уменьшены четвертою долею, должны были представлять собою вѣсъ не болѣе $11^{13}/_{25}$ долей. Изъ приведеннаго выше вѣса денегъ при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, добытаго путемъ нумизматики, мы знаемъ, что среднiй вѣсъ копѣйныхъ денегъ этого царствованія составлялъ не болѣе $10^1/_2$ долей; найденная нами нынѣ цифра этого вѣса разнится, слѣдственно, на одну долю; но она вполнѣ можетъ быть принята за чрезвычайно близкую къ первой, если принять въ соображеніе то, что самое встрѣченное нами указаніе, на которомъ основанъ выводъ этой цифры, также приблизительное,—не говоря уже о томъ, что строгой точности вѣса въ монетахъ того времени, по са-

---

([107]) См. въ Сѣверн. Арх. Т. IV. выписку изъ статейной книги 1621 года.

мому несовершенству способа ихъ выдѣлки, который, какъ мы показали, былъ почти ручной, нельзя было требовать.

Бояре, признавъ справедливость словъ посла объ уменьшеніи вѣса денегъ, объяснялись съ нимъ такъ: «послѣ блаженныя памяти государя царя и великаго князя Θеодора Ивановича всея Русіи, за грѣхъ всего россійскаго государства учинилась смута, и въ безгосударное время многое разоренье и запустѣнье учинилось и царская казна разграблена; и служилыхъ людей умножилось и жалованье дати нечего; съ тѣхъ мѣстъ по неволѣ для многаго разорѣнія и для служилыхъ людей деньги почали дѣлать легче, чѣмъ бы государство построити и служилыхъ людей пожаловать».

Изъ этого отвѣта бояръ ясно, что уменьшеніе размѣра денегъ, а слѣдовательно и рубля, началось непосредственно послѣ царя Θеодора Іоанновича, и что причиною этого уменьшенія былъ недостатокъ въ деньгахъ при существовавшей вмѣстѣ съ тѣмъ крайней необходимости удовлетворить настоятельнымъ потребностямъ государства.

Другую повѣрку изложеннаго нами вычисленія вѣса монетъ, и также относящуюся къ царствованію Михаила Θеодоровича, представила намъ въ послѣднее время сама нумизматика. Въ 1851 году, въ ярославской губерніи, на землѣ, принадлежащей ярославскому Толгскому монастырю, вырытъ былъ изъ земли стеклянный полштофъ, въ которомъ найдены мелкія серебряныя деньги, счетомъ 4364, вѣсомъ 4 фунта $81^1/_2$ золотника. На всѣхъ деньгахъ одна надпись: царь и великій князь Михаилъ Θеодоровичъ ([108]). Слѣдовательно на каждую деньгу приходит-

([108]) См. Записки Отдѣленія Рус. и Слав. Археологіи Императорскаго Русскаго Археологическаго Общества. Т. I. Отдѣленіе IV. стр. 16.

ся вѣса по $10^{262}/_{1091}$ долей. Эта цифра такъ близка къ выведенной выше цифрѣ средняго вѣса копѣйныхъ денегъ этого же царствованія ($10^1/_2$ долей), что въ вѣрности послѣдней, послѣ сего, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Притомъ, одинъ уже вѣсъ денегъ этой находки показываетъ, что всѣ онѣ должны быть копѣйныя, или 100-денежнаго рубля. Отбрасывая мелкую дробь, какъ не могущую имѣть здѣсь вліянія, и зная, что въ рублѣ находилось сто 10-дольныхъ копѣйныхъ денегъ, окажется 1000 долей въ рублѣ; и слѣдовательно, въ 9216 доляхъ, составляющихъ фунтъ, должно было быть 9 рублей $21^2/_3$ копѣйныя деньги,—цифра, совершенно согласная съ приведенною нами выше, и относящеюся почти къ томуже времени.

Намъ остается вывести отношеніе вѣса основной монеты древней нашей монетной системы, т. е. деньги 200-денежнаго рубля къ вѣсу нынѣшней копѣйки серебра въ различныя эпохи изслѣдованнаго нами пространства времени.

Выше мы уже изложили, съ какою изъ двухъ цифръ вѣса нынѣшихъ серебряныхъ монетъ, по нашему убѣжденію, правильнѣе дѣлать сравненіе древнихъ нашихъ монетъ, — и именно, съ тою изъ этихъ цифръ, въ которой выражается и вѣсъ лигатуры, по положительной извѣстности того, что монеты древней нашей монетной системы также не были и не могли быть изъ чистаго металла. Послѣ этого, зная, что въ нынѣшнемъ рублѣ серебра вѣсу съ лигатурой 4 золотника $82^{11}/_{25}$ долей, слѣдовательно, въ одной копѣйкѣ серебра вѣсу съ лигатурой же $4^4/_5$ доли, и желая отыскать отношеніе въ различныя времяна мечевыхъ денегъ, или денегъ 200-денежнаго рубля, на который, какъ мы видѣли, велся счетъ до преобразованія монетной системы Петромъ Великимъ, къ серебряной копѣйкѣ нашего времени, мы находимъ, что:

Одна мечевая деньга					нынѣшнимъ копѣйкамъ серебра.
В. Кн. Димитрія Іоан. Донскаго вѣсившая		$20^2/_5$	д.	равняется	$4^1/_4$
Василія Димитріевича	—	$18^1/_8$	д.	—	$3^{41}/_{48}$
В. В. Кн. Кн. Василія Темнаго, Іоанна III-го и Василія Іоанновича	—	17	д.	—	$3^{13}/_{24}$
одна мечевая деньга 200-денежнаго рубля въ періодъ отъ Василія Темнаго до 1536-го года	—	9	д.	—	$1^7/_8$
копѣйная деньга Ц. Іоанна Грознаго	—	$15^9/_{25}$	д.	—	$3^1/_5$
мечевая деньга этого же царствованія и до временъ Ц. Василія Іоанновича Шуйскаго	—	$7^{17}/_{25}$	д.	—	$1^3/_5$
мечевая деньга Ц. Василія Іоанновича Шуйскаго	—	$7^1/_4$	д.	—	$1^{49}/_{96}$
мечевая деньга Ц. Михаила Θеодоров.	—	$5^1/_4$	д.	—	$1^3/_{32}$
мечевая деньга Ц. Алексія Михайлов.	—	5	д.	—	$1^1/_{24}$
мечевая деньга Царей Іоанна Алексіевича и Петра Алексіевича до 1697 г.	—	$4^1/_2$	д.	—	$^{15}/_{16}$
1697 года	—	$4^1/_4$	д.	—	$^{85}/_{96}$
1698 года	—	$3^1/_2$	д.	—	$^{35}/_{48}$

съ 1699 г.				
по 1704 г.	вѣсившая	$3^1/_4$ д.	равняется	$^{65}/_{96}$
1704 года	—	3 дол.	—	$^5/_8$

Что касается до вѣса монетъ удѣльныхъ князей, то мы должны сказать, что вообще имѣющіяся доселѣ нумизматическія данныя не позволяютъ еще сдѣлать вѣрнаго въ этомъ отношеніи вывода. По недостатку нумизматическихъ матеріаловъ здѣсь трудно вывести вѣрное заключеніе даже о среднемъ вѣсѣ монетъ. Но чтобъ по возможности имѣть полное обозрѣніе и въ этомъ отношеніи, представляемъ сдѣланные нами выводы средняго вѣса монетъ удѣльныхъ княженій, изъ вѣса монетъ, публикованныхъ гг. Чертковымъ, Рейхелемъ и кн. Долгоруковымъ. Именно:

Среднiй вѣсъ монетъ:

Георгія Димитріевича	(1389—1434)	равняется	17	дол.
Димитрія Георгіевича	(1434 — 1440)	—	$13^2/_3$	—
Андрея Димитріевича	(1389 — 1432)	—	$17^4/_5$	—
Іоанна Андреевича	(1432 — 1454)	—	10—	—
Михаила Андреевича	(1432 — 1485)	—	11—	—
Петра Димитріевича	(1389 — 1428)	—	19—	—
Владиміра Андреевича	(1353 — 1410)	—	20—	—
Симеона Владиміровича	(1410—1426)	—	$15^1/_3$	—
Ярослава Владиміровича	(1410—1426)	—	$16^2/_3$	—
Василія Ярославича	(1426 — 1456)	—	$11^3/_5$	—
Даніила Борисовича	(1410 — 1417)	—	$17^3/_4$	—

Или группируя всѣ эти княженія на нѣсколько категорій по времени ихъ взаимной близости, мы находимъ, что среднiй вѣсъ денегъ:

I.)	Владиміра Андреевича	(1353 — 1410)	былъ	20	д.
II.)	Георгія Димитріевича	(1389 — 1434)	—	17	—
	Петра Димитріевича	(1389 — 1428)	—	19	—
	Андрея Димитріевича	(1389 — 1432)	—	$17^4/_5$	—

III.)	Михаила Андреевича	(1432 — 1485)	—	11 д.
	Іоанна Андреевича	(1432 — 1454)	—	10 —
	Димитрія Георгіевича	(1434 — 1440)	—	$13^{2}/_{3}$ —
IV.)	Симеона Владиміровича	(1410 — 1426)	—	$15^{1}/_{3}$ —
	Ярослава Владиміровича	(1410 — 1426)	—	$16^{2}/_{3}$ —
	Даніила Борисовича	(1410 — 1417)	—	$17^{3}/_{4}$ —
V.)	Василія Ярославича	(1426 — 1456)	—	$11^{3}/_{5}$ —

Или средній вѣсъ монетъ этихъ категорій равняется:

Первой (1383 — 1410 г.)	—	20 долямъ.
Второй, заключающей въ себѣ пространство времени отъ (1389 — 1434 г.)	—	$17^{14}/_{15}$ дол.
Третей (1432 — 1485)	—	$11^{5}/_{9}$ —
Четвертой (1410 — 1426)	—	$16^{7}/_{12}$ —
Пятой (1426 — 1456)	—	$11^{3}/_{5}$ —

Слѣдовательно, все, что мы можемъ заключить изъ имѣющихся доселѣ данныхъ въ этомъ отношеніи,—это то, что вѣсъ монетъ удѣльныхъ князей, въ хронологическомъ порядкѣ времени уменьшался, какъ и вѣсъ монетъ великокняжескихъ; и что, слѣдовательно, есть большое основаніе предполагать, что монетная система удѣльныхъ князей сообразовалась съ монетною системою великихъ князей. Согласность нашего заключенія въ этомъ отношеніи съ заключеніемъ г. Черткова еще болѣе убѣждаетъ насъ въ его основательности. По тщательномъ изслѣдованіи многихъ монетъ удѣльныхъ княженій, онъ говоритъ: «все показываетъ что (въ XV вѣкѣ) удѣльные князья не только имѣли монетную систему одинакую съ великими князьями московскими; но даже изображенія копировали съ ихъ денегъ. Въ договорныхъ граматахъ того времени, при расчетѣ *ордынскаго выхода* (дани татарскимъ ханамъ), нѣтъ, ни одного слова о различіи денегъ по княжествамъ» (109).

(109) Опис. Древ. Русск. Мон. стр. 118.

IX.

О пробѣ гривенокъ; литыхъ рублей; денегъ до Іоанна Грознаго и послѣ него. — Свидѣтельство лѣтописи объ издержкахъ производства монеты; — свидѣтельство объ этомъ же Герберштейна, Гваньини. — Въ чемъ состояло поднятіе номинальной цѣны монетъ? — Измѣненіе внутренняго достоинства монетъ въ слѣдствіе злоупотребленій денежниковъ. — Свидѣтельство лѣтописи о чрезвычайныхъ злоупотребленіяхъ денежниковъ въ Новгородѣ; свидѣтельство лѣтописи, нумизматики и различныхъ законодательныхъ распоряженій о злоупотребленіяхъ денежниковъ въ московскомъ государствѣ. — Выдѣлка фальшивыхъ денегъ за-границей. — Различные способы порчи монетъ.

Согласно съ сдѣланнымъ планомъ, намъ слѣдуетъ изложить о степени чистоты металла, изъ котораго дѣланы были монетныя цѣнности, обращавшіяся въ Россіи. Въ этомъ отношеніи, какъ мы показали, понятіе *пробы* не можетъ имѣть приложенія къ монетнымъ цѣнностямъ въ Россіи вообще до Петра Великаго; но какъ съ другой стороны, по положительной теперь извѣстности того, что во всѣхъ монетахъ разсматриваемаго періода, обращавшихся въ Россіи, находилась всегда примѣсь низкихъ металловъ, — то намъ слѣдуетъ по крайней мѣрѣ указать общія цифры этой примѣси, найденныя уже металлургическими пріемами позднѣйшаго времени, дабы такимъ образомъ имѣть возможность судить, хотя въ общихъ чертахъ, о степени внутренняго, не-номинальнаго достоинства монетъ.

Первыя изысканія должны касаться серебряныхъ слитковъ, извѣстныхъ подъ именемъ *гривенокъ*. Изслѣдованія о достоинствѣ этихъ слитковъ касаются двухъ находокъ ихъ, сдѣланныхъ въ 1821 году въ Новгородѣ,

и потомъ въ Рязани: проба первыхъ оказалась отъ $76^1/_3$ до $93^1/_3$ золотниковъ; проба послѣднихъ отъ $93^1/_4$ до $93^1/_3$ золотниковъ (110). Проба другихъ гривенокъ разнится отъ 70 до $93^1/_2$ золотниковъ (111).

За тѣмъ, проба литыхъ рублей, найденныхъ въ кладѣ 1821 года, разнится отъ $71^1/_2$ до $93^1/_2$ золотниковъ (112); проба другихъ литыхъ рублей — отъ $71^1/_2$ до 91 золотника (113).

Сдѣланныя въ 1830 году на С. Петербургскомъ монетномъ дворѣ испытанія многихъ изъ древнихъ *денегъ*, показали, что (114):

деньга велик. княз. Василія Темнаго была	$88^1/_2$	проб.
князя рязанскаго Θеодора —	$78^1/_2$	—
Псковская —	$83^1/_6$	—
Новгородская —	$81^1/_6$	—
копѣйная деньга царя Іоанна Васильевича IV —	$92^1/_2$	—

Относительно *денегъ* позднѣйшаго времени, мы не имѣемъ точныхъ данныхъ, которыя были бы получены чрезъ испытаніе пробъ монетъ (115); но такъ какъ извѣстно, что со второй половины XVI-го столѣтія, русскія деньги дѣлались преимущественно и почти даже исключительно изъ такъ называемыхъ ефимковъ или талеровъ, то, зная пробу въ различное время сихъ послѣднихъ, можно, съ большею или меньшею достовѣрностію, судить и о степе-

(110) Bar. de Chaudoir, T. I. p. 89.
(111) Ibid. p. 101.
(112) Ibid. p. 96.
(113) Ibid. p. 101.
(114) Ibid. p. 126.
(115) Имѣемъ цифру пробы древнихъ нашихъ денегъ, полученную чрезъ испытаніе, сдѣланное по повелѣнію Императрицы Анны Іоанновны, въ 1735 году (Полн. Собр. Зак. № 6790), именно, проба оказалась $85^1/_8$ золотника; но при этомъ испытаніи не было означено, къ какому именно времени относились испытанныя монеты.

ни чистоты нашихъ денегъ отъ Іоанна Грознаго до Петра Великаго. Въ отношеніи же ефимковъ извѣстно, что первыя монеты этого рода, названныя *гульденъ-грошемъ*, дѣланныя въ исходѣ XV столѣтія, были изъ чистаго серебра, т. е. 96 золотниковъ; дѣланныя, въ началѣ XVI столѣтія, въ Богеміи, въ долинѣ св. Іоахима, были одной пробы съ саксонскими гульденъ-грошами, т. е. нѣсколько ниже 96 золотниковъ. Въ 1524 году, по общему закону Нѣмецкой Имперіи, талерамъ назначено было быть 15 пробы т. е. 90 золотниковъ; закономъ 1551 года проба ихъ уменьшена до $14^1/_6$, т. е. 85 золотниковъ. Въ 1559 году проба талерамъ назначена въ $14^{16}/_{18}$, т. е. въ $89^1/_3$ золотниковъ; въ 1556 году талеры назначены въ $14^4/_{18}$, т. е. въ $85^1/_3$ золотниковъ (116). Проба этой монеты въ позднѣйшее время назначалась взаимными соглашеніями разныхъ нѣмецкихъ государей, хотя германскія монеты не сохраняли всегда одинаковую степень доброты, опредѣленную уставами; такъ какъ всякій независимый владѣтель дѣлалъ въ своихъ владѣніяхъ монету произвольной пробы. Монеты вообще понижались въ своемъ достоинствѣ, и въ 1633 году признано было, по общему соглашенію, необходимымъ уничтожить сіи монеты и возстановить прежнюю пробу и цѣну талеровъ.

Изъ этого слѣдуетъ заключить, что проба нашихъ *денегъ* отъ Іоанна Грознаго до Петра Великаго могла разниться отъ 80 до 90 золотниковъ, — и что деньги какъ этого пространства времени, такъ и предшествовавшаго ему, были, говоря вообще, не ниже пробы серебряной монеты настоящаго времени, опредѣленной въ $83^1/_8$ золотника.

Еще менѣе мы имѣемъ свѣдѣній объ *издержкахъ про-*

(116) Bar. de Chaudoir, T. I. p. 79.

изводства монеты. Единственное краткое извѣстіе, встрѣчаемое въ лѣтописяхъ объ этомъ предметѣ, относится къ Новгороду. Въ четвертой новгородской лѣтописи, подъ 1446 годомъ, мы читаемъ (117): «того же лѣта (6955) начаша людіе деньги хулити серебряныя даже и вси новгородци другъ на друга смотря, и бысть межи ими голка и мятежь и не любовь; и посадникъ, и тысяцкій, и весь Новгородъ уставиша 5 денежниковъ и начаша переливати старыя деньги, а новыя ковати въ туже мѣру на 4 почки таковы же, *а отъ дѣла отъ гривны по полуденьгѣ*».

Чтобъ понять размѣръ сказанной здѣсь платы за выдѣлку монеты, мы дѣлаемъ слѣдующее соображеніе. Происшествіе, о которомъ здѣсь идетъ рѣчь, т. е. перелитіе старой новгородской монеты на новую того же размѣра и назначеніе платы денежникамъ за выдѣлку ея, случилось до присоединенія Новгорода къ Москвѣ. Вѣсъ новгородскихъ монетъ этого времени, денегъ, какъ мы видѣли, не превосходитъ 17 долей съ дробью. Монетъ этого вѣса, какъ также мы узнали, входило въ рубль 100, и слѣдовательно гривна состояла изъ 10 такихъ денегъ, составлявшихъ, въ количествѣ 260 или 2 рублей съ половиною и съ одною гривною, полфунта серебра. Одна деньга 17-дольнаго вѣса, какъ показали мы выше, соотвѣтствуетъ $3^{13}/_{24}$ нынѣшнимъ копѣйкамъ серебра. А такъ какъ съ двухъ гривенъ, или съ 20 такихъ денегъ денежникамъ опредѣлено было по деньгѣ, то они получали, на монету настоящаго времени, по $3^{13}/_{24}$ копѣйки серебромъ, за выдѣлку $70^5/_6$ нынѣшнихъ копѣекъ серебромъ.

Присовокупимъ однакожъ, что это вычисленіе, по краткости извѣстія, на которомъ оно основано, не мо-

---

(117) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. IV. стр. 123.

жетъ служить къ опредѣленію влiянія установленія этой задѣльной платы на цѣну монеты. Другими словами: мы не можемъ изъ этого извѣстія заключить о томъ, чтобы эта плата за работу сдѣлана была на счетъ уменьшенія монетъ; но была вовсе независима отъ этого уменьшенія.

Другое свидѣтельство объ этомъ предметѣ, относящееся къ XVI столѣтію, находимъ у Герберштейна, который, хотя не говоритъ о количествѣ задѣльной платы денежникамъ; но, въ замѣнъ того, проясняетъ, какимъ образомъ слѣдуетъ понимать приведенныя слова лѣтописи. Онъ именно говоритъ: exiguum et constitutum praetium, quod *ultra aequale pondus solvendum est aurifabris*, parvi alioqui laborem suum vendentibus, (незначительна и опредѣлена цѣна, которую слѣдуетъ платить *свыше равнаго вѣса денежникамъ*, безъ этого продающимъ дешево свою работу) ([118]). Слѣдовательно, плата денежникамъ производилась независимо отъ какого либо уменьшенія въ цѣнѣ денегъ. Чтò плата эта была незначительна, свидѣтельствуетъ также Гваньини: mercedem autem laboris exiguam aurifabri reportant (плату же за трудъ малую денежники получаютъ) ([119]).

Что касается до измѣненія, по распоряженію правительства, цѣны монетъ поднятіемъ ли номинальнаго ихъ достоинства съ оставленіемъ прежней внутренней цѣнности, или ослабленіемъ ихъ пробы, то поднятіе номинальной цѣны монетъ можно видѣть въ постепенномъ уменьшеніи размѣра рубля; что же касается до пробы, то она, какъ мы видѣли, не была ослабляема, постоянно въ тотъ или другой промежутокъ времени; но если была не всегда одинакова, то эта неодинаковость

([118]) Rer. Moscov. Auct. Varii, Francofurti, 1600, p. 42.
([119]) Ibid. p. 158.

зависѣла отъ случайности источниковъ, изъ которыхъ приходило серебро, обращавшееся въ деньги. Строго же говоря, единственный примѣръ поднятія номинальной цѣны монетъ противъ дѣйствительно заключавшагося въ нихъ количества драгоцѣннаго металла, можно видѣть въ изложенныхъ нами мѣрахъ 1654 и 1655 годовъ о выпускѣ изъ казны ефимковъ рублевыхъ и ефимковъ съ признаками по высшей цѣнѣ противъ той, по которой они были принимаемы въ казну. Но и эта мѣра существовала такъ не долго, что она имѣетъ характеръ случайности, хотя, безъ сомнѣнія, не могла не имѣть вліянія на цѣны вещей. Въ замѣнъ отсутствія сказанныхъ измѣненій въ достоинствѣ серебряной монеты, мы встрѣчаемъ мѣру другаго рода, имѣвшую ту же цѣль, съ которою обыкновенно дѣлаются и тѣ измѣненія, т. е. пополненіе недостатка монетныхъ цѣнностей, — мѣру о выпускѣ мѣдной монеты наравнѣ съ серебряною,—пагубныя послѣдствія которой извѣстны намъ изъ сдѣланнаго уже изложенія.

Однакожъ, внутреннее достоинство монеты, не бывъ измѣняемо правительствомъ, претерпѣвало измѣненія отъ злоупотребленій со стороны денежниковъ, въ слѣдствіе недостатка надлежащаго надзора, какъ мы видѣли, за выдѣлкою монеты. Злоупотребленія изъ этого источника были такъ велики, что онъ далъ начало, какъ мы показали, самому существованію 200-денежнаго рубля. Объ нихъ равно свидѣтельствуютъ жалобы лѣтописцевъ, какъ и самые экземпляры дошедшихъ до насъ монетъ, служащіе, такъ сказать, вещественнымъ доказательствомъ справедливости первыхъ. Такъ, уже подъ 1447 годомъ мы читаемъ разсказъ лѣтописца о чрезвычайныхъ злоупотребленіяхъ денежниковъ въ Новгородѣ. «Того же лѣта, говоритъ онъ, «новгородци охулиша сребро, рубли ста-«рыи и новыи; бѣ денежникамъ прибытокъ, а сребро

«передѣлаша на деньги; а у денежниковъ поимаша по-«сулы.... Того же лѣта выведе Сокира посадникъ лившца «и вѣсца серебряного Ѳедора Жеребца на вѣче, напоивъ «его нача сочити: «на кого еси лилъ рубли?» онъ же «оговори 18 человѣкъ, и по его рѣчемъ иныхъ съ мосту «сметаша, а иныхъ домы разграбиша и изъ церквей вы-«возиша животы ихъ.... И еще того же Ѳедора начаша «безъправдивыи бояре научати говорить на многихъ лю-«дей, претяще ему смертью; онъ же протрезвився рече: «на всѣхъ есмь лилъ, и на всю землю, и вѣсилъ съ «своею братьею ливци.» (120)

Мы знаемъ, что въ Новгородѣ, серебряная монета, подобная московской, введена была въ 1420 году (121). Но при обозрѣніи московскихъ монетъ мы видѣли, что существовавшіе до введенія серебряной монеты, денегъ, литые рубли, продолжали долго еще обращаться въ народѣ и по введеніи денегъ. Приведенное свидѣтельство лѣтописи показываетъ, что точно также и въ Новгородѣ, по введеніи уже денегъ, существовали еще литые рубли, и что злоупотребленія денежниковъ были поводомъ къ переливкѣ ихъ въ деньги. Оговорка лѣтописца: охулиша сребро, *рубли, старыи и новыи*, и за тѣмъ допросъ денежнику: «на кого *лилъ* еси рубли,» — не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что злоупотребленія денежниковъ относились въ этомъ случаѣ къ литымъ рублямъ, слѣдовательно начались еще весьма рано.

На основаніи дошедшихъ экземпляровъ испорченныхъ монетъ отъ времени великаго князя Іоанна III (1462 — 1505) (122), можно не безъ основанія полагать, что злоупотребленія денежниковъ въ Великомъ Княжествѣ Мо-

---

(120) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. IV, стр. 126.
(121) Карамз. V. стр. 237 и прим. 245.
(122) Опис. Древ. Русск. Мон. А. Черткова, №№ 87—94.

сковскомъ, начавшіяся еще при Василіи Темномъ, продолжались, и едвали не справедлива догадка г. Черткова о причинѣ замѣченной новости на деньгахъ этого княженія, что имя денежника, вѣроятно, начало быть выставляемо для того, чтобы правительству, въ случаѣ недовѣса или порчи металла, удобно было наказать виновнаго ([123]). Злоупотребленія же денежниковъ на всемъ пространствѣ Московскаго государства ([124]) были причиною извѣстной уже намъ перемѣны въ количествѣ рублей въ фунтѣ, произведенной при Іоаннѣ Грозномъ. Объ этихъ же злоупотребленіяхъ свидѣтельствуютъ наказанія, опредѣленныя въ Уложеніи царя Алексія Михаиловича, денежнымъ мастерамъ за поддѣлываніе серебряной монеты и за дѣланіе оной съ непозволенною примѣсью ([125]); опредѣленныя, указомъ 12 августа 1663 года наказанія за дѣланіе маточниковъ и чекановъ для фальшивой монеты; а также назначавшіяся, указомъ 8 марта 1672 года, наказанія за рѣзаніе денежныхъ маточниковъ, за переведеніе чекановъ съ нихъ и дѣланіе денегъ, за покупку и покражу маточниковъ и чекановъ ([126]). За тѣмъ, изъ Наказа Таможеннымъ Головамъ, мая 1699 года, узнаемъ, что еще съ царствованія Михаила Ѳеодоровича фальшивыя деньги выдѣлывались за границею: «въ прошлыхъ «годахъ, при державѣ.... Государя.... Михаила Ѳеодоро«вича.... писали съ Двины прежніе воеводы и дьяки, «что у заморскихъ иноземцевъ въ привозѣ объявились «многія русскія деньги, а дѣланы у нихъ на русской «московской чеканъ, и тѣ смѣшаны съ мѣдью мало не«вполы, и привозили къ городу Архангельскому и давали

([123]) Опис. Др. Рус. Мон. А. Черткова, стр. 47.
([124]) См. выше, стр. 48.
([125]) Полн. Собр. Зак. Т. I. Улож. V. 1.
([126]) Ibid. №№ 348, 510.

«русскимъ и всякимъ торговымъ людемъ за товары и «на старыя деньги Московскаго государства промѣнивали, «а изъ Московскаго государства возили къ себѣ старыя «деньги чистаго серебра; и отъ того московскимъ тор-«говымъ людямъ чинили многіе убытки и серебру оску-«дѣніе. А буде нынѣ, продолжаетъ Наказъ, у иноземцевъ объявятся воровскія мѣдныя деньги заморскаго «дѣла или ефимки мѣдные: и тѣ деньги и ефимки имать «въ казну.... А кто учнетъ изъ русскихъ торговыхъ «людей съ торговыми иноземцы торговать или мѣнять «на русскія старинныя деньги ихъ нѣмецкаго дѣла.... и «тѣмъ людямъ быть въ смертной казни» ([127]).

Что касается до способа порчи монетъ, то иногда денежники дѣлали монеты тоньше назначеннаго ([128]); иногда, какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ, по поводу учрежденія въ 1536 году копѣйныхъ денегъ, обрѣзывали деньги ([129]); иногда примѣшивали къ серебру много лигатуры, до такой степени, что дошедшія монеты, безъ химическаго испытанія, одною желтизною и мѣднымъ запахомъ обличаютъ порчу ихъ ([130]).

([127]) Полн. Собр. Зак. Т. III, № 1687, п. 13, 14 и 15.

([128]) Опис. Др. Русск. Мон. №№ 21, 26.

([129]) Полн. Собр. Русск. Лѣтоп. Т. III. стр. 200. — Опис. Др. Русск. Мон. № 69.

([130]) Опис. Др. Русск. Мон. №№ 21, 26.

